

ИЛЬЯ ТЁ

ВОЙНА ДЛЯ
ГОСПОДА БОГА

Твердый Космос

Илья Тё

Война для Господа Бога

«Лениздат»

2009

Тё И.

Война для Господа Бога / И. Тё — «Лениздат», 2009 — (Твердый Космос)

Господь Гор, умерший много лет назад, воскрешен в клонированном теле в неизвестной ему вселенной Твердого Космоса. Перед ним встает выбор – влачить жалкое существование смертного или вернуть прошлую мощь. В составе победоносной армии рабов-сервов, с которых он сумел снять электронные ошейники, Гор захватывает провинцию за провинцией, стремясь добраться до таинственных храмов Хепри, божества местного Мироздания, где кроются ответы на интересующие его вопросы. Однако, вступив в войну, падший Бог вскоре понимает, что сражается не только с поработителями Твёрдого Космоса, но и с собственным эгоизмом Творца-одиночки, не знавшего ранее, что такое истинная дружба и мечта о высокой любви. Пламя восстания по-прежнему бушует на просторах Искусственного Мироздания сокрушительной бурей, гоня по древним трактам многоголовые армии, но Творец Гор уже мечтает о другом...

© Тё И., 2009

© Лениздат, 2009

Содержание

Часть первая	5
Пролог	5
Глава 1	6
Глава 2	10
Глава 3	21
Глава 4	30
Глава 5	45
Глава 6	49
Конец ознакомительного фрагмента.	50

Илья Тё

Война для Господа Бога

Часть первая

Орудие заряжается

Пролог

Создателя звали Ра.

Ра сотворил пространство, настолько огромное, что оно не поддавалось описанию, – гигантскую, чудовищную бездну, раскинувшуюся по всем направлениям в бесконечность.

Ра заполнил это пространство каменной Твердью – скальной породой, железом и кремнием, гранитными плитами и пластами базальта, распределив гравитацию так, чтобы плоть новорожденного мира не стягивалась притяжением в клокочущий ад из кипящих корпускулов, как в ядрах звезд и планет.

И не было верха здесь и не было низа, ибо повсюду, куда мог дотянуться разум Создателя, простирался лишь камень.

Внутри же каменной Тверди Ра поместил гигантские пузыри – вывернутые наизнанку планеты. Каждый пузырь напоминал пустой шар, заполненный кислородной атмосферой. Самый ничтожный из пузырей мог спорить размером с диаметром звездной системы, настолько он был огромен. И чтобы усилить сходство, внутри каждого из «пузырей» Ра зажег по звезде, чтоб освещать и согревать их. По воле Ра сотворенные звезды медленно пульсировали, освещая миры-пузыри тихим светом Луны в часы ночи, а днем вспыхивая ярким солнцем.

На внутренней поверхности планет-пузырей, со всех сторон ограниченных Твердью, Ра расселил своих клонов, как женщин, так и мужчин.

Клоны чтили его как «Ра», хотя милей ему было – «Хепри», ведь ему следовало отличаться от истинного бессмертного Божества!

Он нарек творение Твердым Космосом, и слово Его было верным, ибо в этой юной вселенной вместо мириад парсек холодного вакуума, что разделяют миры в обычных вселенных, простиралась Бесконечная Твердь.

Люди же назвали новый дом Эшвенном, или Камнем, полагая свою необычную родину незыблемой и прочной, как неподъемная гранитная глыба...

Но они ошибались!

Убийца Ра уже шел по его следам...

Глава 1

Враг в логове Искусственное Мироздание. Континиум Твердого Космоса. Центральная планета-каверна

Пятнадцатого дня месяца Фармутин, едва только стало светать, жителей Бургоса – славной столицы Вселенского королевства – разбудили крики многочисленных разносчиков газет, наводнивших главные улицы города – от аллеи Львов до авентина Бориноса. Кардинал Амир, архиепископ Артошский и глава всей Бургосской курии пребывал этой ночью в Пашкот-паласе, в старом Ново-Апостольском дворце, и вышел на обширную лоджию, чтобы полюбоваться видом пробуждающейся столицы.

«Новизна» Ново-Апостольского дворца была, конечно, относительной, поскольку в таком виде он существовал уже без малого две с половиной тысячи лет и был основан, как известно, сразу после завершения Господом Хепри-Ра колониальных войн, объединивших не только эшвенские Великие королевства – Артош, Артону и Аран с Боссоном, но и почти весь известный на тот момент мир.

Тогда, после покорения мятежных стран Антийского каскада, Господь отпраздновал свой послед-ний триумф и провозгласил Бургос столицей всех объединенных под его дланью земель. До этого его резиденцией как Двенадцатого апостола и как Первого Единого короля Эшвена считался то ли Стеллополь – главный порт Эльбиники, то ли вообще тайный город храмовников в Сакральной долине.

Поговаривали, что бесноватый король Боринос Победоносный, наследник светской власти Хепри и нынешний правитель, собирается перенести свою столицу поближе к морю, в деревушку где-то недалеко от Литавры и отгрохать там крупнейший на внутреннем море порт и помпезный город, призванный поразить окружающие Эшвен покоренные варварские народы нетленным величием своего архитектурного гения.

Некоторые называли даже имя возможной столицы – ГрейтБориБерг – «Город Великого Бориноса», или КароБерг – «Город Короля», предоставив Бургосу оставаться только религиозной и церковной столицей мира. Однако его высокопреосвященство кардинал Амир относился к таким мечтам-проектам с известной долей скепсиса, если не сказать презрения.

На личность придурковатого Второго Единого короля, обязанного Господу Хепри и престолом, и богатством, и даже просто военной безопасностью своей вселенской державы, Амир смотрел безо всякого уважения. Уж больно мелкой являлась личность монарха. А если личность мелка и неудачно скроена, полагал Амир, то и мечты у личности будут неправильные и дурные. Как бы там ни было, к строительству новой королевской резиденции только приступили, дочерчивая первые «прожекты» и насыпая первые дамбы на побережье, а столицей мира все еще оставался огромный, раскинувшийся перед кардиналом Бургос...

Древний Ново-Апостольский дворец расположился в самом центре знаменитого города. Его окружал небольшой сквер, огороженный решетчатым забором с замысловатым чугунным литьем и латунными декорами, изображающими эшвенских грифонов с кардинальскими гербами. Хотя забор был достаточно высок, он не закрывал резиденцию духовного владыки от городских улиц полностью, и с высоты четвертого этажа Амир мог без труда наблюдать за монотонной и суетливой жизнью той части «столицы мира», которая протекала бурлящим потоком мимо фасада его дворца.

Пашкот-палас действительно был *его* дворцом, а давно уже не апостольским. Собственно Апостол-Господь Хепри-Ра появлялся здесь лишь дважды. В первый раз – при выборе места для будущей резиденции, когда старый замок правителя этой земли передали во владение церкви, для перестройки под нужды священного обиталища, а во второй – непосредственно

при торжественном открытии Пашкот-паласа вознесенным Апостолом Хепри уже после реконструкции.

С этого трогательного события прошло уже более двух тысяч лет, но Хепри так и не удостоился побывать здесь еще раз. Странно, но именно в столетия колониальных войн Его Божественность Единый Король-Господь Хепри пребывал на Эшвенском субконтиненте постоянно, лично руководя армиями и флотами, наблюдая за городским строительством, прокладывая дороги и основывая собственные храмы, однако сразу после наступления мира и утверждения власти церкви над бесчисленными странами и морями Невона-0143 он исчез, являясь исключительно редко, почти всегда ненадолго и только в Сакральную долину.

Церковь от этого, разумеется, не осиротела. Механизмы храмов работали исправно, торговля товарами и людьми процветала, земли прирастали, богатства и влияние множились. Верховные иерархи церкви Хепри на эти годы стали почти самостоятельными правителями всех каверн Эшвена, лишь немного корректируя собственные амбиции с мнением короля Бориноса и скупыми указаниями Господа в зашифрованных электронных письмах.

Над каждой маркой Эшвена еще во время постоянного пребывания Господа в этом мире был поставлен свой архиепископ, а в каждой завоеванной Эшвенем колонии – свой епископ. Епископ и архиепископ были равны между собой по статусу и не подотчетны не то что друг другу, а вообще никому, кроме, разумеется, вечно отсутствующего Божества – их бывшего двенадцатого апостола. Земли, подчиненные как епископам, так и их коллегам с приставкой «архи», назывались епархиями, а вовсе не «архиепархиями».

Так что отличия между епископом и архиепископом состояли лишь в названии: являться архиепископом исконно эшвенской епархии, а не епархии колониальной было почетней, в остальном же разницы никакой.

Почти.

Поскольку незадолго до своего первого отбытия Господь учредил особый совет, призванный координировать действия епископов и архиепископов во время его отсутствия. Совет этот назывался «Бургосская курия» и включал в себя не только всех епископов и архиепископов поголовно, но и по выбору уже включенных в совет клерикалов, любых других иерархов или видных деятелей храмов Хепри.

Каждый из включенных в курию членов именовался отныне кардинал, то есть член курии, вне зависимости от должности, занимаемой в иерархии церкви. А поскольку курия была бургосской, а не какой-то иной, то и руководить ей, исполняя роль секретаря и председателя заседаний, стал именно он, Амир, архиепископ Артоша и Бургоса, кардинал и куратор.

Мягко и ненавязчиво Амир переехал из затерянного в глуши столичных предместий Бургосского храма в великолепный апостольский дворец в самом центре города, перестроив под свои нужды и нужды своих подчиненных и гостей его многочисленные помещения. На случай внезапного прибытия Хепри в Бургос Амир оставил нетронутыми спланированные лично Господом Большую Спальню, любимый Овальный кабинет и Большой Приемный или Тронный покой – тронь он эти помещения, и можно было лишиться не то что сана, но и головы.

Подмяв под себя Бургосскую курию в отсутствие Высшего руководителя, кардинал Амир, по большому счету, стал фактическим властелином всей церковной иерархии для мира Невон. Ему не подчинялись только учреждения церкви, размещенные непосредственно в Сакральной долине, а также храмы, расположенные в султанате Эльбиника.

Приор долины назначался лично Господом и в Бургосскую курию не входил, а главой храмов в Эльбинике, как повелось издавна, являлся военный руководитель провинции – пресвитер и султан, сатрап Антиберий.

Размышления Амира между тем прервал звонкий голос разносчика газет.

– Внимание! Внимание! – вопил разносчик, побуждая горожан либо вылезти из кровати и прислушаться к новостям, либо посильнее уткнуться носом в подушку, если новости эти были

не интересны. – Сокрушительный разгром королевского арсенала в Боссоне! Его величество посрамлен! Кровожадные сервы убили тысячу человек!

И с этими словами разносчик подбегал по очереди к каждому состоятельному дому и распихивал свернутые трубочкой газеты по почтовым ящикам, а затем бежал дальше. В мире без массмедиа, как сказал бы уроженец «Корпорации» Гордиан Оливиан Рэкс, разносчики совмещали функции почтовой доставки с утренним радио и ежедневной трансляцией новостей.

– Что орет этот ненормальный? – удивился Амир, обращаясь к камергеру, вошедшему в лоджию, чтобы вынести оставшиеся с вечера возле кровати пустой бокал из-под вина и недо-еденные кардиналом фрукты. – Пусть наш король и идиот, но разве можно так орать об этом во всеуслышание! И я не понимаю, кто мог напасть на армейские склады в Боссоне? Там ведь нет ни разбойников, ни непокоренных соседей.

– Сервы, господин, – с каменным выражением лица одними губами прошелестел слуга. – Разносчик говорит, что сервы напали на арсенал и убили тысячу человек.

– Ч-черт-те что! – пробубнил себе под нос кардинал и, еще раз посмотрев на утренний, такой умиротворенный и светлый город, с хрустом потянулся: приступить к делам страсть как не хотелось.

Однако Боссон – его епархия. Он вернулся к кровати и покрутил ручку на неуклюжем телефонном аппарате.

– Кто там? Селена? Ну-ка викария ко мне, живо! – С этими словами кардинал кинул трубку. Телефон жалобно скрипнул от жестокого обращения, но выдержал.

Казалось, спустя всего пару мгновений в кардинальскую опочивальню вбежал бледный то ли от страха, то ли от вечного сидения в закрытом кабинете господин викарий – начальник канцелярии кардинала, по совместительству мажордом, руководитель кадрового аппарата и начальник разведки. Викарий был высок, хорош, светел лицом и вообще имел облик даже как-то благородный, хотя являлся всего лишь сервом.

Выпалив «Ваше преосвященство!», он вытянулся в струну, ожидая от начальства взбучки неизвес-тно за что, но по полной программе.

– Ты, сукин кот, тварь! – с малых оборотов начал кардинал. – Какой Боссон? Какие сервы? И почему я узнаю об этом из газет? Отвечать!

Поняв, в чем дело, викарий позволил себе вздохнуть чуть свободней – взбучка будет, но, по крайней мере, известно за что.

– Все произошло слишком быстро и неожиданно, – отчеканил он. – Известие о нападении гонец привез ночью. И привез не нам, а сенешалю марки, генералу армии Бавену. Тот, разумеется, оформил все тихо, послал рапорт, но гонец при прохождении в Бургос сообщил новость габеларамна воротах. Оттуда известие попало на улицы и в газеты – видимо газетчики тираж сработали ночью. Мы не посмели будить вас, сэр!

– С гонца шкуру спустить, с подонка. Откуда гонец, кто прислал?

– Гонец из Атни, это селение в Боссоне рядом с Руцием. В Руции у Бориноса пограничный арсенал на случай войны. Точнее – был арсенал. А с гонца шкуру не спустить, сэр, он не служивый, а доброхот, из свободных мещан. У него в Атни хутор, а в Руции дружил с каптулярием, фураж туда поставлял. Человек небогатый – на хуторе по интендантским записям у него рабов двадцать имелось, не более. Один из немногих уцелевших мещан в Боссоне, все свободные подданные ведь оттуда посъезжали в города еще лет десять назад. Уникум в общем. Гнал всю ночь на одной своей лошади, потом на другой и, наоборот. Сейчас, по-моему, в одном из местных кабаков, делится впечатлениями.

Кардинал выругался. Черт! Все надо самому контролировать! Ну что за люди?!

– Из кабака гонца изъять! – рявкнул он. – И доставить сюда, пусть делится впечатлениями с тобой, а не с мещанами. И что значит это твое «по-моему»? Ты должен всё знать точно!.. Еще что? Кто налетел? Неужели и вправду сервы?

– Они. Сервы, точно!

– Значит, замешан хозяин. Кто у них там? Надо брать гада – и в королевский суд. А сервов – конфисковать на нужды епархии. Надеюсь, сенешаль уже разобрался. А если нет – смену сенешаля на хрен. Обленились. И ты куда смотрел? Землю у меня жрать будете!

Викарий шаркнул ножкой.

– Простите, милорд, однако ситуация гораздо сложнее. Хозяина давно определили, это лорд Брегорт, потомственный шательен, известный писатель. Ну тот, знаете, что ужастики пишет. «Гнев Вампира» или там «Эй, люби меня и пей!». А еще стихи. Кстати, он является противником рабства. У него есть даже стихотворное эссе по этому поводу, называется... что-то вроде «Дитя Свободы, вдохновенье»...

Кардинал упер в викария злобный застывший взгляд. Начальник канцелярии понял, что несколько отвлекся от темы, а потому, оторвав глаза от готового к взрыву кардинала, кашлянул и продолжил:

– Однако Брегорт судя по всему ни при чем. Сервы напали на арсеналы сами, сэ. Известно, что они каким-то образом сняли ошейники и более не починаются не только ни чьим приказам, но и принуждающим сигналам из храмов. На сегодняшний день в ближайших к месту событий храмах зафиксировано почти пятнадцать тысяч вышедших из строя хомутов, отключившихся, но не убивших своих владельцев. И количество «освобожденных» увеличивается с катастрофической быстротой. Эпицентр этой эпидемии поломок – Дуэльная школа Рэя Брегорта, там уже свободны все поголовно. Однако процесс распространяется и на другие поместья. Боюсь, что ситуация выходит из-под контроля. Сенешаль Боссона в Бронвене, генерал Жернак, собирает полки. Сенешаль Артоша Бавен, префект Бургоса, главы силовых магистратов и представители курии ждут вас в холле, милорд. Мы ждем ваших указаний!

С этими словами викарий застыл, превратившись в немую статую ангела служебного рвения и исполнительности, готовый внимать каждому слову и движению господина.

В немом ступоре застыл и кардинал. Спустя почти минуту, до сих пор не веря своим ушам, он выдавил из себя:

– Вам точно известно, что это не внутриврамовая поломка? Они что действительно *сами* снимают ошейники?

– Я лично проверил аппаратуру в храмах, сэ. Снимают сами и вполне сознательно – в этом нет сомнений. Так же как шесть дней назад они сами и сознательно взяли Руций с его мушкетами и артиллерией.

– Боже! И для чего им артиллерия? Неужели для грабежа усадеб уже не хватает вил и топоров?

– Для войны, Ваша святость. Тот гонец говорит – оружие нужно сервам для войны. И, похоже, воевать рабы собрались серьезно, милорд. По некоторым данным, на севере Боссона они собирают настоящую армию.

Глава 2

Бунт начинается Боссонский край. Тот же день

Пятнадцатого дня месяца Фармутин, Господь Тринадцатимирья, акционер Корпорации Нулевого Синтеза и великий *Тшеди* по имени Гордиан Оливиан Рэкс проснулся поздно и с мрачным лицом выглянул в окно. Медиас Кордис светил ярче некуда, это значило – был уже полдень и он продрых в кровати почти одиннадцать часов. Г.О.Р. вяло ругнулся и помассировал сонное лицо.

Хотя с момента освобождения от хомутов всех сервов поместья лорда Брегорта прошла уже ровно неделя, вчера случилась первая ночь, когда бывший бог и демиург смог по-настоящему выспаться. До этого на отдых не оставалось и минуты. Последние дни напролет Гор с небольшим отрядом мотался по окрестностям Руция и Кербуля, утверждая власть виликов на освобожденных просторах Северного Боссона и набирая новых бойцов в ряды рабской армии. Каждые сутки из этой долгой недели его текущее расписание выглядело предельно простым: короткий сон – в седло, короткий сон – в седло.

Из последнего двухдневного похода Гордиан вернулся только вчера. От места предыдущей стоянки до Руция было почти двадцать километров, поэтому в ворота временной столицы сервского бунта они с Никием влетели уже поздно вечером. Быстро добрались до выделенной им казармы, скинули со спин мушкеты, поставили взмыленных антийцев в стойла на попечение грума и завалились спать. Сейчас, одиннадцать часов спустя, солнечные лучи пронзали стекло окна и пыльный тюль как копьё пикинера – насквозь...

Гор тихо ругнулся и тревожно посмотрел на часы. До назначенного на сегодня Совета виликов осталось всего ничего, и можно сказать, он просто чудом не проспал эту важнейшую встречу. Павший демиург торопливо оделся, вышел на улицу и быстрым шагом направился в сторону центра Руцийского лагеря, где сейчас решалась судьба восстания и, по большому счету, его собственная судьба новорожденного клона и павшего божества...

Первое клонирование Гора произошло очень давно – ровно триста шестьдесят один год назад. Тогда, поступив на службу в Нуль-Корпорацию, юный клон Гордиан Рэкс получил новое, только что изготовленное тело, выглаженную, ладную униформу Нулевого Синтеза, с нашивками на плечах и сверкающий именной бластер, полагавшийся каждому военнослужащему Нуль-Корпорации. Впрочем, никаких «иных» служащих Корпорация не держала – только военных, и любой из ее менеджеров, коммивояджеров или дипломатов автоматически превращался в ее солдата.

Согласно туманным и редко открыто упоминавшимся легендам глобальной Сети, Нуль-Корпорацию основали необычные люди, впоследствии прозванными богами-акционерами. Изначальная вселенная, откуда явились эти ложные технобоги, родилась в пламени Большого Взрыва – так, по крайней мере, вещала одна из самых распространенных естественнонаучных теорий. Из маленькой точки, вместившей всё пространство и вещество, грянул взрыв, создавший единственную известную на сегодня *естественную* вселенную. Именно там, под лучами «настоящих» звезд, на поверхности «нерукотворных» планет возникло и выросло оригинальное Человечество.

Однако у единственной когда-либо существовавшей Естественной Вселенной был навязчивый недостаток – однажды родившись, она должна была умереть...

Электронные легенды Сети, хранящиеся в неизменном виде более миллиарда лет на секретных сайтах Нуль-Корпорации, умалчивали, что именно послужило причиной гибели начальной Естественной Вселенной. Однако логика подбирала для таких причин массу версий: от банальной тепловой энтропии до пожирания пространства черными дырами. Версий всегда было много, но факт оставался един. Естественная Вселенная погибла, но незадолго до ее

краха будущие основатели Нуль-Корпорации сумели покинуть умирающую родину и создать для себя новое обиталище – первый в истории *Искусственный Мир*. После этого человечество продолжило свой путь в совершенно иной вселенной – рукотворной от начала и до конца...

Сначала уцелевших было немного – восемьсот, может быть, тысяча человек, солдат и пилотов, чиновников и ученых. Но недостаток своего числа беглецы компенсировали переизбытком силы. В их руках находились удивительные машины, даровавшие будущим богам человечества почти вселенскую мощь!

Техночудес имелось ровно четыре.

Первым являлся *нулевой синтез* – способность создания материи и пространства из пустоты, вернее, странной субстанции, которую ученые Корпорации называли впоследствии «Нуль». Гордиан Рэкс не был физиком-специалистом, но знал, что субстанция Нуля является собой некий вариант протоматерии и отличается от простого отсутствия чего-либо. Именно благодаря нулевому синтезу основатели Корпорации могли создавать свои Искусственные Миры.

Вторым чудом являлись *нуль-порталы*, то есть внепространственные туннели, соединяющие первые рукотворные миры между собой. Собственно, нуль-синтез и нуль-портал являли собой одно целое, ибо всякий Искусственный Мир создавался с помощью нуль-портала, через который, как гелий в воздушный шарик, надувалось пространство и проникали машины для создания звезд и планет...

Третьим чудом стал *ишед*, невероятный, неразрушимый материал, из которого изготавливались ободы нуль-порталов и машины нуль-синтеза...

Наконец, четвертым, последним даром технобогов стало чудо *Хеб-седа* – искусственной реинкарнации. В голову каждого технобога встраивался ней-рошунт, соединенный с компьютерной Сетью. В случае смерти, шунт копировал и передавал матрицу умершего божества в специальное тело, заранее выбранное будущим владельцем из клонического каталога. Хеб-сед, таким образом, обеспечивал неуязвимость и бессмертие псевдобогов.

Благодаря четырем техническим чудесам, Искусственное Мироздание расширялось и множилось с момента сотворения своего первого *кластера* бесчисленные тысячи и миллионы лет.

Анналы Глобальной Сети умалчивали, откуда взялись четыре великих сокровища. Зато не умалчивали об их новых владельцах...

Как в насмешку, уцелевшие после гибели родины псевдобоги выбрали себе мифические имена, заимствованные ими из первобытных варварских пантеонов, – такие как Тот или Пта, Осирис или же Сет...

Однако самым могущественным из возрожденных таким образом языческих божеств был некто по имени Аннубис, именуемый также «Богом Смерти» и «Учредителем Корпорации». О причинах выбора подобной системы именовании Гор ничего не знал, ибо, в отличие от большинства других демиургов, являлся относительно молодым богом-акционером.

Предложенная Аннубисом система устройства мира походила на огромное промышленное предприятие. В каком-то смысле это было логично, ведь главной функцией основанной Аннубисом Корпорации являлось производство Искусственных Миров – нового ареала обитания человечества. По сути, уцелевшие люди создали разветвленную систему гигантских заводов, занятых строительством пространств-кластеров. По мысли Аннубиса, созданная им система заводов, продолжала, таким образом, дело самого Творца – истинного божества, которое сотворило все сущее. А посему, новые владельцы этой «изготавливающей» миры промышленной структуры вполне могли именоваться богами.

Аннубис стал первым руководителем нового вселенского порядка. Искусственные Миры становились все больше и разнообразнее – Нуль-Корпорация непрерывно росла. А поскольку той тысячи человек, что сбежала из разрушенного Естественного Мироздания, уже не хва-

тало для воистину космических целей, Бог Смерти, вопреки собственному имени, приступил к созданию новой жизни и возрождению Человечества. Гигантские клонические фабрики засеяли искусственные планеты. На фабриках в бесчисленных клонических колбах, распределенных по ярусам, линиям и этажам, произрастали и зрели искусственные тела.

И тогда был пройден еще один шаг, изменивший историю Искусственного Мироздания навсегда: чтобы не тратить времени на воспитание в искусственных телах полноценных личностей, Аннубис приказал создать виртуальные копии погибшей естественной вселенной – так называемые *программные миры*. Из них он велел черпать *прогов* – то есть матрицы памяти давно погибших людей. Эти матрицы в сотнях тысяч, в миллионах и даже в миллиардах повторений записывались в пустые головы клонов – и те оживали. Взрослыми, разумными, зрелыми людьми, но с «древней» памятью сгинувших в небытие мертвецов.

Это новое «клоническое» поколение стало первой волной работников Корпорации и первой партией искусственных людей. Затем ее сменила другая волна, затем третья, затем десятая – в бешеном темпе раса людей возрождалась в фабричных цехах.

Аннубис создавал разных людей – для своей армии он выращивал прирожденных бойцов, для своих кораблей – прирожденных пилотов. Прирожденные садовники поливали цветы в искусственных полисадах и прирожденные проститутки выходили на улицы искусственных городов...

Клон Гордиан Рэкс был выращен прирожденным *машинным Тшеди*, специалистом по компьютерам и сетям, экстрасенсом силиконовых линий и демоном серверов. Эта профессия стала для него великой удачей и высшим счастьем: благодаря своему удивительному и необычайно редкому даже для Искусственного Мироздания таланту, Гор быстро продвигался по службе, достиг вершины карьеры и, выйдя на пенсию, сколотил приличное состояние. Уже к двухсотому году своей насыщенной, но ныне достаточно обеспеченной жизни, Гор выкупил стандартный комплект акций Нуль-Корпорации, став, таким образом, демиургом-акционером, одним из бесчисленных собственников «Нулевого Синтеза» и его псевдобогов.

Деньги в Искусственном Мироздании всегда значили нечто большее, чем просто роскошь и независимость. Прежде всего деньги означали божественность и ... возможность творить миры. Воспользовавшись этим, Гор выстроил себе целый кластер – огромный карманный мир, где инженеры Нуль-Синтеза соорудили ему под заказ тринадцать удивительных, не похожих друг на друга планет. С дворцами, гаремами и многочисленной прислугой.

А еще деньги в Нуль-Корпорации означали клоническое бессмертие.

В триста шестьдесят лет, устав от безделья и скуки – этих вечных спутников всемогущества, Гор решил освежиться, выбрав себе новое тело. В качестве будущей оболочки скучающий бог-мультимиллиардер изготовил могучего клона – высокого, с костями из стали и увитого мускулами как жгутами. Усаживаясь в колбу Хеб-седа, Гор приготовился очнуться в выбранном теле, чтобы изведать вторую жизнь во всем великолепии ее новых радостных ощущений...

Однако аппарат, видимо, выдал сбой.

Новизну ощущений, впрочем, это совсем не отменяло.

* * *

Проснувшись в неизвестном месте неизвестного времени, демиург Корпорации Гордиан Оливиан Рэкс осознал две простые вещи: не надо беситься с жиру и не нужно искать лучшее от хорошего. Это были умозрительные выводы, сделанные им после пробуждения. Более практические аспекты неудачной реинкарнации полубога выглядели еще более прозаически: трехсотшестидесятилетний разум владельца карманной вселенной находился в теле тощего клон-полуподростка и ... утратил дар *Тшеди*, то есть способность управлять компьютерами машин.

Биологический возраст новой оболочки составлял от силы шестнадцать, а быть может, пятнадцать лет, а само тело казалось тощим и недокормленным, как дохлая тушка сурка, открытого по весне растаявшим снегом. Однако этим поразительные откровения не исчерпывались. К своему вящему удивлению, Гордиан Рэкс вскоре понял, что оказался не только в новом теле, но и в новом мире, совершенно неизвестном на его старой искусственной родине! После выяснения общих подробностей Гор смог узнать только то, что в «кавернах Эшвена», а именно так именовали эту вселенную местные жители, никто никогда не слышал о кластерах и Нуль-Корпорации и весь окружающий его гигантский, почти бесконечный мир является творением Хепри-Ра – удивительного солнечного Божества. Учитывая, что Учредитель Нуль-Корпорации традиционно почитался своими менеджерами и инженерами как Бог Смерти и Тьмы, специализация местного Творца, мягко говоря, настораживала...

Вскоре выяснилось, что Эшвен существенно отличался от Корпорации *физически*, поскольку состоял не из кластеров-пространств, заполненных вакуумом с кружащимися планетами внутри, а являл собой единый Твердый Космос, заполненный грунтом, внутри которого вместо планет находились пустые воздушные шары. Однако в *нефизическом* смысле вселенная Хепри-Ра весьма напомнила Гору кластеры Ан-нубиса. Более того, чуть вникнув в подробности, Гор понял, что, несмотря на внешние различия, обе вселенные похожи как близнецы-братья. Нуль-Синтез, нуль-порталы, нейрошунт и Хеб-сед – были известны в Эшвене и активнейшим образом применялись. Правда, не промышленной структурой вроде родной Корпорации, а неким ее «религиозным» эрзацем в форме вселенской церкви, поклоняющейся Господу Света. Сообщение между мирами-кавернами осуществлялось посредством нуль-порталов, производство товаров велось с помощью нуль-синтеза, а наиболее богатые слои местного общества могли пользоваться Хеб-седом. Даже ишед – казалось бы, самый фантастический из даров основателей Корпорации – использовался в новом мире почти повсеместно. Но не для бронирования нуль-порталов, как можно было бы предположить, а ... для укрепления храмов!

Как и Корпорация, новый мир имел свои темные стороны. В средневековой земле планеты-каверны Эшвен ядовитым растением процветало рабство. Однако вопреки первым измышлениям Гора рабство в этом, примитивном на первый взгляд, мире имело под собой вполне научное основание. Рабами-сервами здесь становились не только пленники, захваченные Единым королем Эшвена во время военных походов, но и клоны, произведенные в храмах Хепри тем же массовым способом, что и в Корпорации – с созданием матриц внутри компьютерных программ.

Более того, власть господ-шательенов над своими рабами основывалась не на силе местной армии и отрядов полиции-«габелар», а на ничтожном компьютерном приспособлении. Аппарат этот имел форму ошейника с компьютером-бляхой, осуществлявшей связь между клонированным рабом и создавшим его тело храмом. Дьявольская вещица эта именовалась «койн», что означало «хомут», и каждый раб-серв носил его, не снимая. С момента «изготовления», до самого момента смерти койн был проклятием надевшего его невольника. Шательен всегда знал, где находится его собственность, и мог наказать болевым разрядом из койна в случае непослушания и даже убить. Освобождением была только смерть...

Утраченные во время реинкарнации Гора способности *Тшеди* стали восстанавливаться по мере того, как разум реципиента «привыкал» к новому мозгу. Примерно месяц назад Гордиан Рэкс почувствовал, что вновь может управлять компьютерными приборами. Три недели назад, под покровительством Сабина и Трэйта он снял ошейники со всех сервов Лавзеи. А спустя еще сутки волна освобождения накрыла своим алым покрывалом весь Северный Боссон.

Восстание в Эшвене началось!

* * *

Еще две недели спустя, несмотря на сорванные с шей невольников «хомуты», душу Гордиана Рэкса по-прежнему теребило множество вопросов.

В эти дни, одновременно с интенсивной работой по «раскойновке» жителей близлежащих шато, Гор много размышлял и многое смог обдумать. Ужас, охвативший его в ту секунду, когда он впервые открыл глаза во вселенной Эшвена и осознал себя оторванным от привычного Мироздания Корпорации, как прежде ранил его душу острым кинжалом. При этом, хотя многие вещи на планете-каверне казались ему знакомыми, Гор совершенно не понимал, как соотносятся мир Корпорации и Твердый Космос во времени и пространстве. Возможно, размышлял он, его перенесло в другой мир, возможно – в далекое будущее, в котором уже забыли про Корпорацию.

Существовала, впрочем, и третья, наиболее страшная для павшего бога версия. Как бы Гор ни боялся, но вся его прошлая жизнь, вся память бессметного демиурга-акционера, экстрасенса и создателя миров могла оказаться всего лишь сном программного клона – безумной выдумкой талантливого программиста из местной церкви, занимающегося созданием виртуальных миров!

При этой мысли Гору становилось не по себе – вздрагивая как от озноба, он гнал жуткое видение прочь.

Связь между Твердым Космосом и Корпорацией, твердил он себе, существует. Пусть неуловимо, не явно, но все же она есть: ведь слишком уж сильно Гордиан Оливиан Рэкс отличался от других рабов-клонов! Может ли статься, чтобы его знания мира науки, его опыт правителя тринадцати планет и якобы трехсотлетний возраст являлись лишь выдумкой программиста из какого-то храма?.. Теоретически – возможно, но не слишком ли сложна эта выдумка для создания простого раба?

Как бы там ни было, ответов на это Гордиан не знал. Задать свои вопросы он мог только служителям церкви и только в таких местах огромной вселенной Эшвена, как внутренности храмов Хепри.

Остальные люди просто не поняли бы того, что он спрашивает. Саженоплечий консидорий Бранд – чемпион и рубака, с которым Гор когда-то дрался за титул лучшего лавзейского мечника; стремительный Дакер, с которым он стал чемпионом на последних Боссонских авеналиях; преданный Никий, толковый и шустрый кадет, ставший к этому времени личным секретарем Гора Рэкса; разумный и спокойный Самсон; добродушный Рашим, вместе с кем он проснулся в грязном бараке в первую ночь в этом мире; тучный вилик Сабин – управляющий лавзейским поместьем, гигантского роста с отвисшим брюхом и с бархатным голосом, и даже старший дацион Мишан Трэйт – его личный тренер и лидер восставших сервов – все они слабо разбирались в местной, а уж тем более в иномировой космогонии.

Впрочем, того, что Гордиан Рэкс уже знал об окружающем новом мире, ему пока вполне хватало для выживания. Гор знал, что к северу от земель восстания простираются варварские леса, к западу плещется огромный океан, а к востоку лежат бескрайние полупустыни. И только к югу к границам Боссона вплотную подступают густонаселенные районы центральных марок Вселенского королевства.

Гордиан узнал почти все о местном оружии и порядках, поверхностно разобрался в утверждениях местной догматической религии и законах, сносно разобрался в существовавшей технике и, конечно, в организации армий, существующих на Невоне. А все остальное, размышлял он, пусть идет к черту. По крайней мере – пока, ибо если восстание сервов окончится неудачей, любые вопросы станут излишними: ведь на колу и на виселице не слишком поговоришь...

Вспомнив о смерти, Гордиан улыбнулся. Он жил очень долго и, пожалуй, в примитивном средневековом мире с глупым названием «Камень» у него имелся отличный шанс умереть.

Так, размышляя о прошлом и внимательно вглядываясь в настоящее, Гордиан Рэкс добрался до нужного здания. Он поднялся по ступенькам перед крытым порожком и многозначительно кивнул вестовому, морда которого застревала щеками в окошке.

Безусловно, кивки не предусматривались уставом молодой армии, однако Тринадцатого пророка в Руции знали все или почти все. Приняв белозубую улыбку «Освободителя» как знак благоволения, караульный тоже расплылся в улыбке. Затем, наплевав на устав, а также на прочие банальные формальности вроде пароля или бумажной метрики, выдавшейся в армии каждому служивому серву, ткнул большим пальцем за спину и отрывисто махнул туда же головой. Гордиан послушно вошел...

Первое после захвата Руция «стратегическое», как называл его Сабин, заседание Совета виликов проходило в просторном помещении *кербульского ландкапа* – зала для офицерских собраний, а точнее – балов и застолий. Здесь королевским офицерам вручали высшие награды и отмечали повышения в чине. Здесь традиционно офицеры должны были собираться, когда объявлялась война, а также перед любым дальним походом. Сегодня, однако, в ландкапе собрался совершенно иной контингент, при одной мысли о присутствии которого в столь «высоком» по армейскому статусу зале, у шательенов, которые составляли основную массу королевского офицерства, от негодования округлились бы глаза.

Поперек обширного зала и вдоль стен сидели *сервы*. Преимущественно – лидеры восстания, примерно две или три сотни человек. Собственно, все, кто что-то решал. И пусть это была не чернь из домашней обслуги, а вилики и дационы, для шательенов, сживавших недавно на тех же местах, на обитых парчою креслах, между сервами не существовало разницы. Собравшиеся меж тем вряд ли разделили бы подобные воззрения, так как большинство представителей рабской элиты по-своему презирали сервов «низших» категорий, полагая сердцем и душой рабского сообщества исключительно себя.

Председательствовал на заседании Циллий Абант, избранный главой восстания вследствие того, что представлял самый крупный земельный аллод Боссона – бывшие владения лорда Таргета, у которого только в Верхнем Боссоне проживало свыше ста тысяч сервов. Вилик Сабин был заместителем председателя. Он не мог похвастать численностью подчиненных, но соперничал с Циллием в другом – являлся самым популярным членом Совета.

Известность Каро Сабина обеспечивало множество факторов: например, то, что освобождение сервов от рабских ошейников впервые произошло именно в его землях и преимущественно именно его силами был взят Руций – первая база восставших, давшая им в руки современное оружие. Но главное – с ним был Гордиан Рэкс, непобедимый чемпион Боссонских авеналий, «Освободитель», «Апо-стол», «Тринадцатый пророк». Человек, благодаря которому освобождение от ошейников стало возможным в принципе.

Большинство виликов, впрочем, считало себя прагматичными людьми и не разделяло догматических верований своих подопечных. Для них Гор оставался всего лишь сервом с необычными способностями и орудием в предстоящей борьбе.

В ландкапе также присутствовали: Мишан Трэйт, командующий Армией Свободы и бывший дацион Гора; Астоний Фотий, бывший торговый старшина Кербуля, а ныне новоиспеченный глава города и «первый рабский префект», как его называли горожане; Либер Рихмендер, полковник Кидонского пехотного полка; Вордрик Аймен, полковник Ормского артиллерийского полка; второй заместитель председателя Совета виликов Критий Ларго – бывший лавзейский провилик, а ныне – самый молодой из руководителей восстания; капитан отдельного Боссонского «железного» батальона Бранд Овальд – бывший лавзейский консидорий, а также свыше двух десятков виликов, провиликов, старшин и армейских командиров.

– У нас известия! – без лишних проволочек начал Каро Сабин. – Полчаса назад прибыл гонец из Бронвены. Новости удручают. Сенешаль Боссонской марки, известный всем присутствующим генерал Жернак, готов выступать. Согласно докладам наших друзей из Палаты равных в Бронвене, помимо собственных двух полков сенешаля, в которых около четырех тысяч человек в каждом, под его началом собраны остатки всех войсковых частей, недобитых нами в Верхнем Боссоне... – С этими словами он грозно, но излишне театрально посмотрел на Мишана Трэйта. При этом старый дацион хмыкнул, а вилик продолжил: – Общая численность этих сборных соединений уже не менее пяти тысяч. К этому количеству необходимо прибавить почти двадцать тысяч габеларов, собранных префектом Бронвены со всех южных провинций марки. Всего более тридцати двух тысяч солдат и офицеров, снаряженных в поход. Плюс, как минимум, сотня орудий. Как сообщил наш источник, позавчера вечером на конфиденциальной встрече с префектом сенешаль заявил, что готов выступить против нас немедленно. Возможно, он уже в походе. Признаюсь, мы готовились к решительной схватке за Боссон, но рассчитывали опередить противника в темпах подготовки к кампании.

– Вы пересажали на кол почти все боссонское дворянство, Сабин, чего вы ожидали? – сложив руки на животе, заявил Астоний Фотий. – Торговые сервы из Бронвены и Риона, заезжающие к нам для сбыта товаров, говорят, что шательены просто в бешенстве. Ничего удивительного, что они так усердствуют в желании поскорее добраться до вас, любезный Сабин.

– До нас, любезный Астоний. Что же касается настроений шательенов, то меня они не волнуют. Речь идет не об эмоциях, ибо я уверен, что ненависть рабовладельцев к восставшим рабам – ничто по сравнению с ненавистью нашей армии к бывшим хозяевам. Речь идет о готовности к предстоящей военной кампании. Вы, Трэйт, и вы, Рихмендер, и даже вы, Вордрик Аймен, неоднократно убеждали Совет в полной боевой готовности своих соединений к выступлению на Бронвену. Каким образом стало возможно опережение со стороны противника? Это саботаж! Как зажавшиеся королевские чиновники смогли подготовиться к выступлению раньше, чем наша Армия Свободы?

– Вы слишком усердствуете, Сабин, меньше громогласных обвинений. Не забывайте, вы не на плацу перед рядовыми сервами, а на Совете, – заметил Рихмендер. – И о каком опережении, собственно, идет речь? Да, возможно, сенешаль выступит против нас раньше, чем мы двинемся на него. Но кто сказал, что предстоящая кампания зависит от того, кто именно начнет атаку? Мы заверяли Совет в готовности всех трех полков к отражению возможного удара. И это – так!

– Это не так, Рихмендер! Речь шла о том, чтобы обеспечить на случай решительной военной кампании не менее чем трехкратный численный перевес в живой силе. Где этот перевес? Противник имеет армию, не уступающую по численности Армии Свободы и даже превышающую ее!

– Да бог с вами, Сабин, их больше на две тысячи!.. – снова вклинился старшина Кербуля. – Хотите, мы наберем недостающих за день?

– И кого мы наберем, Астоний? Подсобных рабочих с огородов и грузчиков из торговых домов? В королевской армии – профессиональные солдаты! Офицерский корпус набран из потомственных шательенов, поколениями, вы слышите, полковник, – он обратился уже к Рихмендеру, – поколениями, упражняющихся в военном ремесле! А вы хотите противопоставить им необученных рекрутов!

– По всей видимости, Сабин, этого хотите вы сами, – ответил Рихмендер. – И не орите на меня! Именно потому что сервов необходимо тренировать и обучать владению оружием, мы и не имеем этого пресловутого численного перевеса. У нас не было офицеров, вообще не было сколько-нибудь опытных в военном деле людей! Никого, только горстка потешных ратоборцев, искусно владеющих холодным оружием. Из этой горстки за два месяца мы с Трэйтом и Вордриком сделали армию! Пусть в чем-то она и уступает королевской, но это реальная военная

сила, а не огромная масса пушечного мяса, бегающая по Боссону с мушкетами в руках и не имеющая представления, с какой стороны в него вкладывается пуля. Вы этого хотели, Сабин? Мы итак сократили тренировочный график, как могли. Численность каждого полка превышает штатную в два-три раза. У нас больше половины офицеров получили свою роту спустя пару недель после прибытия в армию! Генерал Жернак *собирает* солдат. Мы же – *делаем их с нуля*. Мы сколотили тридцать тысяч человек за два месяца буквально из толпы, а вы смеете обвинять нас в саботаже!

– Действительно, Сабин, вы сгущаете краски. Я думаю, мы вполне способны противостоять корпусу сенешаля, – заявил Циллий. – Вы-то что молчите, Трэйт?

Мишан Трэйт покачал головой.

– Сейчас, когда сформирован значительный офицерский контингент, – сказал самый признанный из военных руководителей бунта, – темпы комплектования новых полков можно будет ускорить. Думаю, через два-три месяца мы действительно сможем добиться решительного численного перевеса над армией короля при приемлемом качестве подготовки войск. Однако набор рекрутов и их подготовку нужно проводить в спокойной обстановке. Если Жернак с его корпусом подойдет к Кербулю, то на комплектовании новых полков можно будет поставить большой могильный камень. Поэтому, если мы хотим нормально комплектовать армию здесь, в Верхнем Боссоне, нужно выступать навстречу сенешалю и попытаться связать его силы на юге. Наверняка он не решится выступить на Кербуль, если увидит, что мы можем спалить к черту новые усадьбы в нетронутой части марки. Да и шательены порвут его на куски, если он уведет армию на север и оставит их добро без защиты.

– Значит, мы станем играть на опережение и выступаем на Бронвену?

– Несомненно, однако атаковать саму Бронвену мы не сможем – у нас нет осадных орудий, только кулеврины. Да и численного состава недостаточно, чтобы организовать штурм и осаду по всем правилам. Я понятно излагаю?

Все присутствующие согласно закивали.

– Отлично! – махнул рукой Трэйт. – В поле, я надеюсь, мы сможем противостоять корпусу сенешаля почти на равных, однако прямых столкновений я бы старался избегать. Все же у нас очень не-опытная армия. Впрочем, и у Жернака не сахар – пограницы и габелары. Так что, если прижмет, то дадим бой. Ни у него, ни у нас кавалерии практически нет. Дело должны решить пехота и артиллерия. В пушках же у нас перевес, все-таки орудийный парк большинства пограничных застав марки достался нам, а не ему.

Мишан повел могучими плечами, пригладил короткие седые волосы и решительно продолжал:

– Думаю так: идем на юг, быстрым маршем продвигаемся максимально в глубь вражеской территории, возможно, вообще до Риона. По ходу дела сжигаем усадьбы, освобождаем сервов, уничтожаем гарнизоны. В это же время формируем новые полки здесь, в Кербуле. Затем разворачиваемся и обходим Бронвену. Далее – по обстановке. Наше продвижение должно спровоцировать массовые выступления сервов по всему югу Боссонской марки. Секрет электрического тока и его воздействие на рабские хомуты, – при этом Трэйт посмотрел на Гордиана, – известен уже, наверное, по всему Эшвену. Южных сервов нам нужно только поддержать своим военным присутствием, и они сами поднимутся на восстание. Возможно, по крайней мере, я надеюсь на это, массовый бунт сервов на юге и решит исход этого похода. Но даже если и нет, то к этому времени мы сможем подготовить подкрепления в Кербуле и либо дать сенешалю генеральное сражение, либо действительно осадить Бронвену. В любом случае мы выиграем время.

Трэйт еще раз обвел взглядом всех собравшихся. Лидеры восстания напряженно слушали.

– Сейчас, пожалуй, важно одно, – произнес тренер Лавзеи тоном ниже. – Сенешаль готов выступать, и мы должны быть на юге марки *раньше*, чем он выйдет на север. Только в этом случае можно рассчитывать, что из страха потерять свою столицу, он запрется в Бронвене, а наша армия получит свободу маневра.

– План рискованный, – задумчиво пробормотал Рихмендер. – Если у сенешаля хватит ума, то он не останется в столице, а выступит на север и уничтожит наши с таким трудом созданные базы, лишённые поддержки армии. К тому же маневрировать с войском численностью тридцать тысяч человек, избегая при этом прямых столкновений с противником, – трудное дело. Под силу ли оно нашим неопытным полкам, Трэйт? Броски по пересеченной местности – это не марши на плацу. Мы можем терять бойцов, даже не вступая в схватки, а просто на марше.

– Все это так, Рихмендер, – согласился Трэйт. – Однако не забывайте: мы имеем дело не только с королевским генералом, но и с правителем богатой провинции. Его задача не просто разбить «зарвавшихся» сервов, но и сберечь королевское добро, а главное – свой город. Уверен, нам не придется убежать от его наступающих полков, поскольку большую часть армии сенешаль оставит для защиты Бронвены.

– Но это всего лишь ваши предположения, Трэйт. Риск остается, и не малый.

– Риск есть, и не малый, – вновь согласился Трэйт, – но на то и война. Мы можем лишь предполагать действия противника, а не знать их наверняка. В любом случае других вариантов я не вижу. Единственная альтернатива – оставаться здесь и просто дожидаться прихода Жернака, уступив ему стратегическую инициативу и лишив себя возможности комплектования новых полков. Победа в маневре, друзья, а не в обороне! Мое мнение – нужно выступать. И выступать немедленно!

– Итак, господа... – Циллий встал: – Голосуем!

* * *

За две тысячи километров от кербульского ланд-капа судьба будущей боссонской кампании обсуждалась и другими людьми. В Бургосе в здании для штаба гвардии находился Доминик Бавен, полный генерал, кавалер орденов и командующий королевскими силами в Артоше, иными словами – еще один сенешаль, но уже не Боссонской, а Артошской марки. С ним было несколько штабных офицеров и двое гвардейцев в алых плащах и с гербами церкви на тканых цветных щитках в левой части груди – прямо над сердцем.

Чуть левее гвардейцев, как бы в тени, располагался высокий, красивый, но бледный человек в темном плаще и мундире, без военных знаков отличия. Это был викарий кардинала. Все сидели на стульях за широким столом или на табуретах рядом. Стоял только викарий. Возможно, в силу рабского происхождения, ему по рангу не пристало сидеть при шательенах, а может, наоборот, для того чтобы смотреть на военных свысока.

– Кардинал в бешенстве, – начал Бавен, – он брызжет слюной и чуть не поубивал нас с префектом на совещании. Видимо, встал не с той ноги. Он требует организовать срочную высылку подкрепления этому тупице Жернаку и покончить с восстанием.

– Я был на совещании, ваше превосходительство, и прекрасно помню, о чем шла речь, – ответил викарий, разглядывая ногти. – Это восстание позорит церковь и бросает тень на ее могущество. Кардинал прав – необходимо покончить с этими сервами, и немедленно.

– Но мне некого посылать! Вы же знаете, с весны почти все полки задействованы на строительных работах в новой столице. В этом проклятом ГрейтБориБерге! В Артоше итак было немного солдат. С тех пор как мы стали колониальной державой, все боеспособные части находятся на периферии – в колониях. А в Артоше, самом сердце метрополии, уже двести лет как отсутствовала какая-либо угроза и боевые действия вообще не велись. Даже в обыч-

ное время я располагаю максимум двумя полками стандартной численности, как и Жернак у себя в Бронвене. И сейчас оба полка находятся в ГрейтБориБер-ге на закладке плотин, охраняют рабов. В лучшем случае, они придут сюда не ранее чем через две-три недели. Кого мне посылать, габеларов?! А если сервы восстанут здесь? С кем защищать дворянские шато? Я итак почти что гол!

– Приказы отдаю не я, а кардинал.

– Но вы, сударь, контролируете их выполнение! – воскликнул Бавен. – Кардинал сидит слишком высоко, чтобы все отслеживать. В вашем распоряжении, господин викарий, только в Артоше восемь клерикальных полков из церковного корпуса, я уже не говорю о других марках! В Бургосе расквартированы Священный легион и красногвардейцы. В ваших руках прямо здесь чудовищная сила, распоряжаясь которой, раздавить бунтовщиков – дело простого желания. Необходимо выступить с ними, а не собирать несчастных габеларов по удаленным гарнизонам.

– Вы поражаете меня своей осведомленностью, генерал, и при том совершенно напрасно, – возразил викарий. – Клерикальные полки, а тем более Гвардия кардинала и Священный легион – это стражи церкви. В конце концов, разве не на короле лежит ответственность за безопасность подданных? К тому же вы, сударь, лукавите: в вашем распоряжении как командующего войсками марки помимо армейских частей находятся еще и королевские гвардейцы – жандармерия Бориноса. Они, если я не ошибаюсь, расквартированы в Бургосе и никто на строительство дамб в новую столицу их не посылал.

– Но это немыслимо, сударь! Вы предлагаете мне послать гвардию короля, цвет нашего апостольско-го воинства, против кого – против сервов! Да меня разжалуют в рядовые!

– Ну-ну, Бавен, не перегибайте. Разжалуют не вас, а Жернака. Ведь, во-первых, вы отправляете гвардейцев по приказу кардинала, а, во-вторых, вы отправляете их в распоряжение вашего боссонского коллеги, не так ли? И посылать в бой их будет он, понимаете? Так чего вам бояться? К тому же конные жандармы будут куда лучшей подмогой бедному Жернаку, чем ваши пехотные полки. Ни у Жернака, ни у повстанцев практически нет кавалерии, и в предстоящих полевых баталиях именно она может решить исход битвы.

– Но, господин викарий, гвардейцы подчиняются мне лишь формально – и вы прекрасно знаете это. Да у них ротные лейтенанты по титулу выше, чем мои штабные полковники. Эти гвардейские хлыщи просто не подчинятся мне, если я пошлю их воевать с рабами!

– Составьте приказ, Бавен, я заверю его печатью кардинала. Никто не посмеет ослушаться веления церкви.

Бавен помолчал, что-то прикидывая в уме.

– Ну что ж, – произнес наконец он, – точно сказано. Власть церкви неоспорима, и приказ, заверенный кардиналом – это другое дело. Вот только, господин викарий, пусть в гвардейские казармы его передаст ваш адъютант – моего могут и вышвырнуть.

– Не вопрос, генерал. Присылайте бумаги.

– Сей же час, господин викарий, все сделаем, – бодро заявил Бавен, и было видно, что он заметно повеселел. – Надо же, мне даже нравится ваш план! В первый раз эти дворянские ублюдки будут отдуваться вместо моих солдатушек, а не наоборот. Пусть прогуляются!

С этими словами генерал встал, махнул рукой сопровождению и вышел из комнаты.

– Мерзкий тип, – сказал один из оставшихся церковных офицеров, поднимаясь со стула, – и гвардейцев не уважает.

– Королевских гвардейцев, а не вас! – ответил викарий. – Да и за что их уважать, уродов? За избыток солидов в кошельках и за длинный титул? Бавен – нормальный мужик, затюканный только. Кстати, в последнюю колониальную кампанию в Валькрике он показал себя отличным воякой. Просто в поле он лучше, чем в столице. Думаю, если кто и остановит сервов, это будет именно он.

– Да что вы, господин викарий! С гвардейской кавалерией их стопчет и Жернак, вы же сами сказали.

– Полагаю, что нет. Гвардейцы, конечно, отличные рубаки, однако гонору у них много. Да и Жернак – не Бавен. Так что, как говорится, поживем – увидим. Умоются они там кровушкой все.

– Ого! Но если так, зачем же их в пекло посылать?

– А пусть прогуляются. Полезно!

Глава 3

По большому кербульскому тракту...

Три дня спустя, Армия Свободы уже маршировала по большому Кербульскому тракту. Впереди на расстоянии почти двух километров от основных сил двигались конные разезды, осматривая дорогу и выискивая вражеских дозорных. За ними следовал авангард из большого конного эскадрона – почти всех наличных кавалерийских сил, которые с грехом пополам собрал Трэйт, посадив на крестьянских лошадок своих консидориев. Еще далее шествовали, выбивая тяжелой поступью пыль из дороги, два пехотных полка.

Всего с момента начала рабского бунта Советом виликов и, прежде всего, дационом Мишаном Трэйтом и стариком Рихмендером, непосредственно отвечавшим за комплектование армии, было сформировано *три пехотных полка* – в соответствии с тремя Дуэльными школами, составлявшими ядро охваченных восстанием территорий. Поскольку практически никто из сервов военным опытом не обладал, то принцип комплектования сформулировали предельно просто: из консидориев бойцовских школ набрали будущих офицеров, из кадетов – старшин и сержантов, основную же массу новообращенных борцов за свободу, вышедших в основном из аморфных масс сельхозрабочих, ремесленников и многочисленной шательенской прислуги, предполагалось обучать по ходу дела.

Причина подобного метода комплектования была предельно проста и абсолютно непрекаема: осознавая полную никчемность основной массы своей армии в смысле опыта и бойцовских навыков, Трэйт решил сделать упор не на индивидуальной подготовке бойца, а на дисциплине. Более же дисциплинированных людей, чем привыкшие к боли и смерти гладиаторы, в природе не существовало. По крайней мере Трэйт таких не знал...

В итоге по Кербульском тракту маршировали полки: сначала любимый Трэйтом Лавзейский, – самый родной и близкий, затем Кидонский, набранный из консидориев Кидонской школы. Замыкал почти пятикилометровую колонну сборный отряд из рот Ормского полка – из поместья Орма, с артиллерией и обозом. Большая часть Ормского артиллерийского, впрочем, осталась в Кербуле, чтобы стать основой для будущего подкрепления и ядром дальнейшей мобилизации боссонских сервов...

Обоз Трэйта был большим, но груз, распределенный по его телегам, казался немного странным для обычного войскового запаса. Там почти отсутствовало продовольствие – его планировали брать в разоренных усадьбах, но было множество мушкетов, пик и пистолей, как минимум, на армию такой же численности. Совет рассчитывал, что, пройдя по югу марки, Трэйт сможет привлечь на сторону восстания множество новых рабов и либо пополнить ими свои полки, либо организовать независимые партизанские отряды. Отыскать же достаточный запас ручного вооружения на юге Боссона будет проблематично, учитывая, что все арсеналы Жернак свез в Бронвену.

Сам Трэйт считал это ошибкой, полагая, что партизанские отряды могут действовать, используя холодное оружие, а также охотничьи и габеларские мушкеты, взятые в усадьбах хозяев. По его мнению, для стремительных нападений на посты габеларов и одинокие усадьбы шательенов, учитывая значительное превосходство рабского населения в численности, вполне сгодились бы и луки с вилами, ведь взяли же когда-то лавзейцы Руций с одними секирами да мечами! А против регулярной армии неподготовленные массы сервов, даже имеющие в руках огнестрельное оружие, были все равно беспомощны. Кроме того, большой обоз значительно сдерживал воинство Трэйта в скорости, а ведь именно на маневр он делал ставку в этой первой полноценной военной кампании восставших.

Огорчало его и другое: при таком огромном обозе армии был выделен минимум кулеврин. Сабин сказал, что если армия не собирается давать полевое сражение, то ей не понадобится и полевая артиллерия. Кулеврины же нужны для обороны Кербуля.

В итоге Трэйт шел, имея на руках только сорок орудий. Между тем это был единственный груз, который бы он с удовольствием потаскал за собой при любом маневре. Да, они не хотят встречаться с Жернаком в поле, однако хочет ли этого Жернак? И всегда ли будет возможность уклониться от боя? Вопрос. Но против Совета виликов не попрешь.

Таким образом, по дороге сейчас маршировало двадцать четыре тысячи человек, двигалось свыше тысячи повозок и сорок орудий в воловьих упряжках, с незначительным запасом ядер. Достаточно серьезная сила, если учесть поставленные Советом задачи.

Не встречаться с противником, не угрожать Бронвене. Продвинуться на юг Боссона, уклоняясь от решительных схваток, очистить территорию от шательенов, сжечь усадьбы. Вывезти продовольствие и запасы. Перебить гарнизоны шато. Работая на маневре, обойти столицу марки и снова занять позиции перед Кербулем. В общем – почти прогулка.

Разумеется, с армией шел и Гор Фехтовальщик, молчаливый Тринадцатый пророк, чемпион, апостол и прочая и прочая... На Совете он потребовал, чтобы ему был выделен отдельный отряд, причем не только для охраны собственной персоны, но и для реальных боевых операций.

Трэйт отказал, ссылаясь на слишком большую важность жизни Гора для дела восстания, чтобы позволить ему махать саблей в рукопашной, но Сабин выделил Фехтовальщику роту из ормских ребят, артиллеристов. С собой у них была даже дюжина пушек (из сорока), однако, по мнению Гордиана, сути дела это не меняло: тащиться пришлось все равно в обозе, а в случае возможных стычек – оставаться в лагере, охранять орудия. Впрочем, сейчас, когда кампания только начиналась и в округе наверняка не было ни единого королевского солдата, ему позволили ехать в голове колонны, сразу за арьергардом вместе с командованием похода.

Помимо ставшей уже привычной офицерской сабли, Гордиан прицепил к поясу пару тяжелых эшвенских пистолей, а через плечо перекинул мушкет и патронташ. И все это – поверх мундира королевского лейтенанта с синей повязкой на рукаве и бантом на треуголке. Самому себе в подобной амуниции он иногда казался клоуном, однако никто не смеялся – уважали.

Рядом с Гордианом на гнедом антийском рогатом мерине ехал сам Трэйт. С ним Сабин, как наблюдатель от Совета виликов, а также Сардан Сато, Дакер, Бранд и еще несколько новоиспеченных лавзейских офицеров. Конная колонна двигалась шагом, рядами по четыре, поэтому Трэйт, Сабин, Гор и Бранд ехали впереди, а стальные держались сзади.

– Послушаете, Сабин, – сказал Трэйт, продолжая начатую еще утром тему, – мы служили с вами у Брегорта чертову уйму лет и всегда находили общий язык. Какого дьявола вы меня постоянно задираете? И сейчас, и на Совете!

– Я не вас задираю, Мишан. Вы – отличный человек и, смею надеяться, мой друг. Однако как член Совета я должен заботиться прежде всего о деле восстания, а не о дружбе. Когда речь идет о свободе для наших братьев, сервов по всему Эшвену, я не могу не быть принципиальным и...

– Демагогия, Сабин, опять демагогия. Рихмендер правильно сказал – вы слишком увлекаетесь. Мы не на Совете и не на собрании перед прочими сервами. Свобода и для меня не пустой звук. Но давайте не будем превращать войну за Свободу в болтовню о ней. Все мы сражаемся ради конкретных целей. И члены Совета и рядовые. Вот, например, ты Гордиан, как ты себе представляешь будущее, если мы победим?

Фехтовальщик пожал плечами.

– Да кто его знает, – уклончиво ответил он. – Я уже говорил вам, мастер Трэйт, что, как и большинство клонов, не являюсь уроженцем этого мира. По крайней мере, не телом, а душой,

памятью. И если мы победим, я хотел бы задать пару вопросов храмовникам и узнать у них, могу ли вернуться.

– Тебя держит семья? Там, в другом мире у тебя есть ктонибудь?

– Да нет никого. Вроде ничто не держит. Просто там – мой родной мир, мое *дело*. Привык к нему, понимаете?

– А к этому не привык?

– К этому нет, не привык. Хотя климат у вас не плохой. Если победим, может, буду к вам заглядывать, в гости или на праздники. Например, на годовщину Победы.

Все негромко засмеялись.

– Понятно, – продолжил Трэйт, – то есть ты сражаешься, чтобы вернуться домой. Кстати, как и почти все клоны. А вот ты, Бранд? Ты отрезал в Руции головы как минимум десятку габеларов. За что ты пришил их, родимых, что тебе нужно от этой войны? Твой дом-то в Лавзее!

– Дом в Лавзее, мастер Трэйт, это точно, – пробасил Бранд. – Но хотелось бы кое-что поменять в этом доме. В принципе мне всегда нравилось в школе. Отличная еда, спать можно до одури, если ты – чемпион. Опять же драки. Где еще так оттянешься, как не на тренировочном ринге? Мечом помахать или секирой – забава. Люблю это. Однако я – серв. Все в Лавзее мне об этом напоминает. Почему я сражаюсь на ринге, а деньги от победы достаются моему лорду?..

При этих словах Гор косо посмотрел на товарища, вспомнив их давние беседы о рабстве, ранее не находившие в душе великана ни малейшего отклика. Надо же, подумал он, проняло!

– Нет, – продолжал Бранд, – вы не подумайте, я считаю, что Брегорт – отличный хозяин, не в пример большинству прочих. Однако ведь он – *хозяин*! И он заставлял таких, как я, умирать, чтобы самому заработать. Почему он мой хозяин, а не я – его? Чем я хуже? Да ничем! Не должно быть так, мастер Трэйт, вот что я думаю. Почему мы должны спрашивать разрешения, чтобы поехать на авеналии, или чтобы жениться, чтобы родить сына? Опять же, женщины. Я – чемпион и в мужской школе мне живется неплохо. А как живется наложницам в женских школах? В школе у леди Трит – моя сестра. Почему она должна ложиться под каждого, на кого укажет хозяин? А он ведь ее желания не спрашивает. Опять же наказания. Если серв обидит свободного – его сажают на кол. Если свободный зверски убьет своего серва – даже штрафа не заплатит. Разве это справедливо? А шательены? Почти все – ублюдки, каких свет не видал, твари без совести и морали. Ненавижу!

– Вот-вот, – сказал Сабин, – это ненависть. Он сражается за свободу и ненавидит наших господ, Трэйт.

– Отнюдь, Сабин, отнюдь, – вновь возразил Трэйт. – Мы говорим об общих вещах. Давай о конкретном будущем. Вот, Бранд, ты ненавидишь шательенов. Допустим мы их всех перерезали. Ну, допустим. Остались только мы, бывшие сервы, и куча усадеб, куча бывших Школ для призовых бойцов и для наложниц, города, торговые дома купеческие, ремесленные мастерские. Ведь все мы – и купцы, и ремесленники, и призовые – тоже сервы, чьи-то рабы. Вот победили мы. Ты что будешь делать?

– Ну вы как спросите, мастер Трэйт. Откуда я знаю? Вон, мастер Сабин умный, пусть думает. Вернусь в Лавзею. Построю дом. А лучше усадьбу настоящую. Конюшню себе заведу. Скаунов антийских хороших, серебряную посуду, наложницу, но так чтобы я сам ей нравился. Ристалище себе построю. Будем с друзьями в охотку мечами махать. Ну, не до смерти, конечно, а так, для интереса. Вон, Гора хочется страсть как завалить с его рапирой, а то сделал меня в тот раз, до сих пор прийти в себя не могу, Фехтовальщик хренов.

Гор ухмыльнулся.

– Понятно, Бранд, понятно, – не отставал Трэйт. – Но ведь усадьба у тебя будет большая, кто станет за садом следить, дом убирать, готовить, смотреть за лошадьми антийскими? Опять

же наложницы, сегодня ты им нравишься, а завтра другой нравится. Отпустишь? Да и усадьбу кто тебе построит, не сам ведь?

– А я скромный, я себе усадьбу небольшую организую. А построим вместе, вот всем батальоном моим организуемся и построим. Сначала – мне, как командиру, потом остальным, по заслугам. А чтобы убирать да за садом следить, я себе пару шательенов поганых запрягу, вот что. Благо если победим, в плен их возьмем немеряно. Вот я парочке и предложу, мол, ну что, графья, мои, маркизы, либо меч в пузо, либо ко мне работать, благо, как бывший серв, хозяин я буду положительный, не злой совсем. Так что – согласятся.

– Вот то-то и оно, брат мой Бранд, что сражаемся мы с тобой не за Свободу как таковую, а за собственное благополучное будущее и безбедную жизнь. Вот побьем шательенов, отберем у них усадьбы, а самих заставим прислуживать. И ты, Бранд, не один такой. При производстве в офицеры беседы на эту тему я веду с каждым из наших. Если клон – то домой вернуться. Если местный – остаться да добра себе нажить, самому шательеном стать.

– Да ты что, командир, обижаешь меня! – удивленно возмутился великан. – Ты меня с шательенами не ровняй. Я кнутом спину драть никому почем зря не буду. И пытаться людей для удовольствия не буду. И гаремы заводить в тысячу наложниц по три штуки на каждый день, как графья наши, не буду. Мы – не они. Мы – другие. Сволочи они, а мы – люди!

– Так это мы, Бранд, другие. Мы – люди. А дети наши? А правнуки? Знаешь, что такое знатный род, которым каждый шательен так гордится? Это значит, что предок у них был достойный. Герой или полководец великий. Или просто уважаемый и мудрый человек. Понимаешь? Так что если победим мы и шательенов всех сервами сделаем, а сами господами станем, то лет через двести уже их детям придется ошейники снимать и на бунт против наших детей подниматься. А это значит – и сейчас, и тогда кровь будет литься напрасно. Не за Свободу святую, а за то, кому из волков наверху быть и другими волками помыкать, а кому сапоги им лизать и пресмыкаться.

– И что же ты предлагаешь? – спросил Сабин; взгляд его внезапно стал острым как бритва, а лицо – внимательным и напряженным.

– Не знаю, – вздохнул Трэйт. – Сражаться, конечно, надо. Хотя бы и за то чтобы усадьбы себе отстроить и шательенов в рабство обратить. Однако чтобы действительно победила свобода, а не очередная стая волчья, пусть даже стаей этой мы с вами будем, нужно иное. Свое государство, быть может, законы правильные. Республика, как в Тысячеградье, только без рабов и без навархов тоже. Наварх – тот же король, только богачами избранный. А может, к не государство, а вера другая, чистая, добрая, – не знаю. Думать надо, в общем. И когда говоришь – «за свободу воюю», нужно точно представлять, что ты имеешь в виду. Антийских скакунов на собственном выгуле или всеобщее счастье добра и справедливости. Пока что – мы за антийских скакунов сражаемся с наложницами и усадьбами, а вовсе не за всеобщее равенство и счастье. Вот так то.

– Ну ты загнул, командир, – восхитился Бранд. – Но так даже проще, хотя по-разбойному как-то. Что, Гор, зверь наш полковник, может мыслить, да?

– А то! – подтвердил Гордиан и вспомнил собственных наложниц в дворцах Тринадцатимирья. Может, в чем-то и прав старый дацион. Надо не просто быть наверху, а человеком оставаться.

Сабин же промолчал. Чуть натянув поводья, он немного отстал и потом долго-долго сверлил спину Трэйта странным, настроженным взглядом под сумрачными бровями.

* * *

Приблизительно в одном километре от Сабина хмурил брови другой человек. Если, конечно, можно назвать человеком существо, прожившее без малого три тысячи лет и меняв-

шее тела так же часто, как ящерка меняет хвосты. За эти годы кардинал Бургосской курии Амир впервые видел восставших сервов, собравшихся в организованную силу. По большому счету он вообще в первый раз видел восставших сервов. Еще совсем недавно Амир искренне и со всей убежденностью полагал, что такое понятие отсутствует в его лексиконе в принципе.

Серв не мог восстать, ибо хомут обеспечивал абсолютное послушание. Случившееся месяц назад настолько выбивалось из его представлений об устройстве мира, что кардинал до сих пор пребывал в некоторой прострации. Сейчас он стоял на смотровой площадке одного из своих титанических храмов Хепри, ближайшем к месту, где должна была пройти армия рабов, и с недоумением разглядывал движущиеся мимо на большом расстоянии походные колонны. Зрачки и глазные яблоки у Амира были модифицированы, и он мог разглядывать мельчайшие детали на мундирах марширующих сервов-солдат без оптических приборов. В отличие, например, от стоящего рядом викария, пялившегося в подозрную трубу.

Амир тихо ругнулся. Он был не только удивлен, но и сильно раздосадован, если не сказать зол. А злость следовало на ком-то выместить.

– Ну что? – начал он как всегда с малых оборотов. – И как ты объяснишь, что такая прорва сервов шастает по тракту без ошейников?

Викарий оторвался от «подзорки».

– Сложно сказать, монсеньор, – осторожно ответил он и покачал головой. – Известно, что «хомут» можно дезактивировать сильным электрическим разрядом. Возможно, именно так и было отключено большинство ошейников. И в этом нет ничего удивительного. Среди миллионов рабов Эшвена вполне мог найтись один, обладающий специальными знаниями по электричеству. Кроме того, способность переменного электрического тока сбить настройку прибора могла быть обнаружена кем-то из рабов случайно. Странность в другом. Наши лазутчики докладывают, что освобожденные сервы ходят без ошейников. Без включенных и без отключенных. Вообще *без ошейников*, понимаете? Они их снимают! В сущности, это невозможно, ибо даже отключенный «хомут» нельзя не разрезать ни порвать, ведь сердцевина прибора имеет корпус из ишеда. Шнур можно только расстегнуть, раскрыв электронный замок, а для этого нужно знать церковный код. Поэтому есть две версии происходящего. Первая – ошейники снимает кто-то внутри храмов, один из высокопоставленных иерархов церкви, имеющий доступ к коду. Второй вариант – среди сервов нашелся человек, обладающий способностями *Тшеди*, такими, какими обладал когда-то наш Господь Хепри.

Кардинал опешил:

– Серв-экстрасенс?

– Можно так сказать.

– Ясно... – От удивления кардинал внезапно перестал злиться. – Ну и что? Надеюсь, вы успели проверить обе версии?

– Почти, монсеньор. По первому варианту проверка еще не завершена. Однако второй вариант уже можно считать подтвержденным. Ошейники снимает один из лидеров восстания – некий боец дуэльной школы.

– И нам известно, кто он?

– Так точно, монсеньор. Позвольте, я вам продемонстрирую. – Он показал рукой на лифт, ведущий внутрь храма, к мониторам наблюдения.

Кардинал кивнул, еще раз взглянул на ползущую по тракту ленту Армии Свободы, и они прошли к шахте.

Спустя несколько минут оба оказались в просторном помещении с экраном – комнате космическо-го наблюдения. Несколько спутников – сателлитов Медиа Кордис, чьи орбиты были рассчитаны так, чтобы охватывать всю поверхность планеты-сферы, непрерывно передавали сюда (впрочем, как и любую другую из подобных комнат, имеющихся в каждом храме) информацию обо всем, что происходит на бескрайних просторах Невона-0143.

Спутниковое видеонаблюдение являлось исключительным достоянием церкви. Ни король, ни тем более его сенешали или провинциальные чиновники доступа к подобному уникальному для средневековой планеты техническому ресурсу не имели. Через широко раскрытые очи космических видеокамер на мир смотрели только клерики.

Кардинал уселся в роскошное кожаное кресло оператора, викарий остался стоять. Оба глядели на записи, сделанные со спутника над лагерем восставших почти неделю назад. Кардинал несколько раз прокрутил момент, где Гор снимал хомуты с очередной партии сервов на плацу перед казарменной зоной рущийского лагеря. С тысячи человек разом!

Это впечатляло. Камера не передавала невидимые для человеческого глаза энергетические потоки, но необычность происходящего и взаимосвязь между тысячью расстегнувшихся хомутов и щуплым сервом в епанче консидория была очевидна.

Епанча особенно удивила Амира.

– Надо же, – сказал он, – сосунку от силы лет шестнадцать, а он уже консидорий. Или ему дали накидку бойца за снятие хомутов?

– Отнюдь, монсеньор. Это кажется невероятным, но подросток на экране перед вами – даже не просто консидорий. Он – чемпион Боссонских авеналий текущего года. Лучший боец в категории боев без доспехов.

– Действительно, занятно. Щенок не прост. Никогда не интересовался именами сервов, но видно сейчас настал момент. Как зовут нашего грозного малолетку?

– Его зовут Гор, монсеньор. Гор Фехтовальщик.

Кардинал покачал головой. Фех-то-валь-щик, подумал он, какое странное слово.

* * *

В это самое время, в столице марки сенешаль Боссона и командующий сборным корпусом возмездия, генерал Жернак держал совет в *Бронвенском ландкапе* Королевской армии.

– Итак, господа, – сказал он, – положение серьезное. Мы уже опозорились перед лицом Его величества, сдав весь Верхний Боссон, и не можем позволить ситуации усугубляться дальше. К сожалению, мы имеем весьма смутные представления о планах восставших сервов, поскольку, никому из посланных лазутчиков не удалось войти в самую верхушку так называемого Правительства равных. Как это ни смешно, эти несчастные ублюдки, проповедующие равенство людей перед Богом и королем, поставили над собой Совет бывших виликов – управляющих поместьями, ставленников своих прежних господ, дравших с них шкуру похлестче самих лордов-шательенов. Безмозглые сервы, они сервы и есть.

Он сделал паузу, внимательно осмотрел слушателей и продолжил свой доклад.

По словам сенешаля, хотя их информаторы и не имели доступа в Совет виликов, они имели доступ к армии повстанцев вообще. На сегодняшний день командование королевских войск располагало довольно точными данными о численности и подготовке так называемой Армии Свободы, согласно которым она насчитывала уже не менее тридцати тысяч человек в строю. Поступили сведения, что, используя типографию в Кербуле, предводители восстания даже издают для своих солдат Руководства по огневому и пиковому бою. Но как бы там ни было, теперь, когда армейские полки и габелары собраны в организованную силу, сомнений в скором усмирении зарвавшихся негодяев нет.

Немногочисленные поражения гарнизонов в прошлом, отметил Жернак, объяснялись исключительно внезапностью нападений и численным превосходством сервов над гарнизонными войсками. Сейчас это исключено. Численность подготовленного за последние месяцы корпуса возмездия не меньше численности восставших ублюдков, а качество же королевских войск не приходится даже с ними сравнивать.

В то же время лазутчики утверждали что вилики не посмеют выступить на юг до тех пор, пока не наберут по крайней мере двухкратного перевеса в численности войск, поэтому выступление их армии на Бронвену и полевые сражения, похоже, не грозят. Трусливые сервы, получившие из рук виликов свободу, бегут из поместий тысячами, не желая вступать в их армию. Даже по самым грубым подсчетам, чтобы добиться существенного перевеса над королевскими войсками в численности, виликам понадобится как минимум еще несколько месяцев.

– Задача состоит в том, чтобы не дать им этих месяцев! – подытожил сенешаль. – Хватит сидеть в Бронвене, как лев в клетке! Мы должны выступить на Кербуль!

Услышав известие о скором походе, офицеры оживились. Они начали активно перешептываться, обмениваясь жестами и кивками. Жернак тем временем, не обращая внимания на активность своих подопечных, продолжал:

– К моему огромному сожалению, наши силы ограничены, а Его величество король Боринос воздерживается от того, чтобы присылать подкрепления. Мы ожидаем прибытия новых пехотных полков не ранее чем через две-три недели, а наш поход между тем не терпит отлагательств.

Жернак отметил два обстоятельства. Учитывая полный паритет в численности обеих армий и превосходство противника в полевой артиллерии, он считал нежелательным встречаться с противником в поле в открытом сражении. Но при этом, не имея артиллерии, корпус возмездия был не в состоянии приступить к осаде укрепленного лагеря повстанцев. Но сенешаль считал, что этого и не потребуется, так как, по его мнению, как только регулярные войска окажутся на севере, сервы мигом запрутся в Кербуле и поневоле прекратят набор новых бойцов. Выйти же из крепости для генерального сражения трусливые управители поместий просто не решатся. Поэтому задача похода состояла в ином. Это должна быть настоящая карательная экспедиция, к которой необходимо подготовить людей.

– Установка проста: каждый серв, посмевающий поднять голову против власти Эшвена и снять свой ошейник, должен умереть и умереть страшно, – завершил сенешаль свою речь, – мы затопим север марки в крови и будем вычищать заразу до тех пор, пока не придут свежие подкрепления, не подтянутся тяжелые осадные орудия из Бургоса и королевская армия не сможет приступить к правильной осаде Кербуля, чтобы покончить наконец с этим чертовым бунтом!

– А если все же вилики решатся выйти за стены своей крепости и дать вам бой? – подал голос префект Бронвены, гражданский правитель города, чьи полицейские габелары, как это ни прискорбно, составляли почти треть армии сенешаля.

Жернак кивнул, принимая вопрос.

– Я уже сказал, – ответил он, – что победу в открытом сражении считаю вполне достижимой, учитывая лучшую подготовку регулярной армии по сравнению с рабским сбродом, который собрали под своими подлыми знаменами взбесившиеся вилики. Однако генерального сражения следует избегать, ибо удача в баталии при равенстве сил – капризная дева. Если мы встретим их в поле, то, конечно, дадим бой. Но до прибытия новых полков специально нарываться на открытое столкновение не будем.

Префект согласился, и Жернак продолжил:

– В целом, господа, диспозиция такова: нам необходима еще как минимум неделя на завершение укреплений Бронвены, конкретно – ее западной линии. И только эта неделя в вашем распоряжении, чтобы закончить личные дела и подготовку частей к большому походу. Затем, господа, по завершении этой недели наш корпус возмездия выступает на север...

С этими словами Жернак подошел к карте Боссона, висевшей на стене, намереваясь приступить к более подробному описанию предстоящей кампании.

В этот момент, резные двери Бронвенского ланд-капа, где проходил военный Совет, открылись настежь. Резко, как от удара. Вальяжным шагом в зал вошел высокий человек в роскош-

ном камзоле из тех, что носят столичные хлыщи, и с расшитой золотом запыленной перевязью, на которой висел, касаясь пола золоченой оконцовкой ножен, великолепный кавалерийский палаш с драгоценным камнем на рукояти.

Не снимая шляпы и не кланяясь, что было проявлением крайнего неуважения к присутствующему офицерскому собранию, он оглядел собравшихся наглым взором из-под высокого лба, покрытого потом и пылью от долгой и утомительной скачки. Его оскорбительный для любого офицера взгляд обежал собравшихся одного за другим и остановился, наконец, на Жернаке, замершем перед картой.

– Генерал Жернак, если не ошибаюсь?

– Именно так! – чопорно ответил сенешаль.

– Знаете, генерал, – тут же продолжил вошедший, – я слышал окончание вашей вдохновенной речи и вынужден внести в нее коррективы. Хотите знать какие? – Он решительно подошел, приблизил свое лицо к генералу, и тот от неожиданности отвел глаза. – Мы выступаем *завтра*, а не через неделю!

– Простите, но с кем имею?..

– Полковник Роше, – ответил незнакомец, снимая перчатки и звонко швыряя их на генеральский стол. – Только что прибыл к вам из Бургоса с подкреплением.

Услышав воинское звание хама, Жернак вспыхнул.

– Какого черта! – заорал он, наливаясь краской. – Да я сгною вас в карцере, полковник! Почему обращаетесь не по форме? Я – полный генерал армии и сенешаль всех наличных сил в Боссоне и я не потерплю...

– Потёрпите, Жернак, потёрпите. И не смейте повышать голос, не то я обеспечу вам второе горло, чтобы воздух лучше выходил. Да, я – полковник. Но я *полковник гвардии!* – Последнее слово он почти прорычал. – И я – *герцог* де Роше, а не занюханный армеец, как эти ваши офицеришки! – Он кивнул в сторону сидящих за столами офицеров Жернака.

Те, переглянувшись, покачали головами, но промолчали. Связываться с владельческим шатальеном никто не хотел.

– Этот идиот Бавен посмел отправить меня к вам, оторвав от важных дел в столице! – продолжил Роше: – и я не намерен торчать в этой дыре, пока вы не наберетесь храбрости, чтобы разогнать толпу очумевших сервов!

С этими словами полковник гвардии и герцог снял наконец шляпу, проследовал к ближайшему стулу и плюхнулся на него, принявшись обмахиваться широкими полями своего головного убора.

Цвет кожи на лице Жернака сменился с пунцово-красного на белый.

«Гвардия! – чуть ли не прорычал он про себя. – О, Святой апостол, я просил подкреплений, но не гвардию! На что мне этот ублюдочный наглец?» Вслух же он, подавив мгновенный порыв на замысловатую оскорбительную тираду, произнес немного дрожащим голосом, но вполне спокойно:

– Со всем уважением, герцог, но вы не владеете ситуацией. Чтобы сколотить армию, нам пришлось собрать в один кулак все сколько-нибудь значимые воинские контингенты со всей провинции. Мои земли голы. Именно поэтому необходимо закончить укрепления Бронвены. Мы не можем оставить столицу Боссона не только без войск, но и без укреплений.

– Да мне плевать на ваш поганый город, Жернак. Единственная столица Королевства, заслужи-вающая заботы, – это ГрейтБориБерг, который строит Его величество в устье Кобурна. А ваш провинциальный свинарник меня не волнует!

– Вы зарываетесь, де Роше! Пусть я не имею вашего титула и герцогского аллода, но по прибытии вашего полка в Боссон, я – ваш непосредственный и единственный военачальник! Подобное поведение – это прямое нарушение субординации.

– Черта с два. Кто вы, Жернак – всего лишь виконт, не так ли? Я – герцог и родственник короля. Так что, если вы не заткнетесь, субординация будет нарушена вами, а отнюдь не мной. – Он еще раз сверкнул глазами на Жернака. – Завтра я выступаю на Кербуль со своим полком. Вы идете со мной или катитесь к дьяволу с должности сенешаля. Надеюсь, я понятно излагаю?

Проглотив гордость командира, Жернак обреченно кивнул, склоняясь перед непреодолимым. «Непреодолимым» в данном случае были вошедшие в поговорку хамство и невероятная заносчивость королевской гвардии, которые, впрочем, всегда подкреплялись реальными возможностями гвардейских командиров, их связями при дворе и богатством их земельных аллодов.

Удовлетворенно пробежав по сторонам высокомерным взором, де Роше встал, развернулся на каблуках и вышел вон, оставив седого армейского генерала тихо скрипеть зубами в окружении своих униженных офицеров.

Впрочем, подумал Жернак, когда сошла первая волна гнева, возможно, в чем-то этот кретин прав. В данной ситуации нужно играть на опережение и выступить в поход раньше, чем сервы перехватят инициативу.

Глава 4

Испытание боем

Спустя всего десять дней от заседания Бронвен-ского ландкапа передовые разьезды Армии Свободы вышли к правому берегу Кобурна, близ высохших ташских болот, к месту, где старинный кербульский тракт соединялся с большим трактом на столицу Боссона и далее, петляя, шел на юг.

Два всадника на немного разгоряченных, но бодрых скакунах внеслись на вершину очередного холма. Внизу простирался отличный вид на широкую полосу могучей реки, влекущей свои воды с севера на юг через весь Эшвенский континент. Вид был величествен и великолепен. Стоял чудесный солнечный полдень и казалось, что избалованная летним теплом природа пела, приветствуя еще один чудесный миг первого осеннего месяца. Однако всадников на холме взволновало отнюдь не мерное движение вод, а нечто совсем другое.

Не далее чем в лиге от них по тракту двигались кавалерийские эскадроны!

Дозорные развернули своих скакунов и, подстегивая могучих животных шипами шпор, стремительно помчались обратно.

Выслушав короткий доклад, Трэйт живо отдал приказы вестовым, и пехотные колонны Армии Свободы стали разворачиваться фронтом, перпендикулярно к тракту, перекрывая небольшую долину.

Сардан Сато, Дакер и Бранд отбыли к своим подразделениям руководить построением шеренг, и возле командующего походом остались только Сабин и Гор с незначительным сопровождением.

– Вы собираетесь встречать противника в низине? – со своей всегдашней бесцеремонностью спросил Сабин, отвлекая Трэйта от руководства построением центра войска. – Не лучше ли попытаться занять холмы?

– У нас едва хватит времени, чтобы развернуть шеренги, не говоря уже о том, чтобы выдвинуться вперед, – отвечал Трэйт, продолжая отдавать команды. – Кроме того, когда дозор увидел передовые королевские эскадроны, они были ближе к этим холмам, чем мы. Так что бросаться наверх нечего и пытаться.

– Святой Боже, но у них кавалерия?!

– Похоже на то. Судя по докладу, не менее трех тысяч сабель, точнее – палашей. Как я понимаю, это гвардейская жандармерия. Целый полк.

– Вы же заявляли, что мы беспрепятственно сможем дойти до Бронвены и даже обогнуть ее, избегая противника!

– Уверен, так и случилось бы, узнай наш враг о том, что мы вышли к незащищенной столице. Однако, похоже, мы передвигались слишком скрытно и быстро и Жернаку просто никто не успел донести о нашем продвижении. Вспомните, за пять дней похода мы ни разу не встретили разьездов противника. В любом случае причина нашей встречи уже не имеет значения. Я уже говорил, что в поле мы можем поспорить с ним почти на равных. Так вот, в ближайшие часы мы узнаем это наверняка. Как и предполагалось, их всего около двадцати семи – двадцати восьми тысяч, то есть почти столько же, сколько нас. Видимо, сенешаль оставил, как минимум, полный полк габеларов для защиты Бронвены.

– Но у них кавалерия, Трэйт! Вы принимаете это во внимание?

– Кавалерия, безусловно, сюрприз. Однако и наши пикинеры, я надеюсь, не подкачают.

– Я предупреждал вас, Трэйт, о необходимости формирования кавалерийского полка, по крайней мере нескольких эскадронов! Если с регулярной пехотой наши солдаты готовы героически сражаться, то с кавалерией им придется лишь героически умирать за свободу своих братьев. Нас растопчут! Это вы понимаете?

– Не каркайте, Сабин! Вы прекрасно знаете, что мы не могли сформировать кавалерийский отряд по множеству причин, в первую очередь из-за отсутствия в необходимом количестве боевых скакунов. Крестьянские тяжеловозы, да будет вам известно, не годятся для лихих кавалерийских наскоков. Но главное мы не смогли создать кавалерию из-за отсутствия *наездников*. Увы, сударь, нет сервов, которые могут управляться с пикой, палашом и карабином, галопируя на антийском скакуне! Если вы помните, я лично определил план боевой подготовки для учебных кавалерийских классов в Кербуле. Возможно, через полгода-год мы будем иметь несколько эскадронов относительно сносной кавалерии, но не раньше. И хватит об этом! Отправляйтесь в обоз и не мешайте мне заниматься работой, которую на меня возложил Совет. Вы стали донимать меня в последнее время!

С этими словами, нимало не смущаясь, Трэйт в раздражении хлестнул лошадь Сабина – и та отпрянула, возмущенно заржав. Сабин поджал губы и дал шпоры сам в направлении, противоположном фронту, которым выстроились полки восставших.

Повинуясь кивку Мишана Трэйта, Гор тоже тронул поводья и вместе с вечно приставленным к нему Никием отправился вслед за Сабиним к повозкам.

Обоз пребывал в хаотичном движении. Сервы охранения суетились, спеша вывести свои телеги и лошадей в тыл выстраиваемой солдатами позиции, сервы, обслуживающие орудия, напротив устремились в другую сторону, чтобы вывести кулеврины и мортиры на поле, поставить перед фронтом изготовившейся к бою армии и первыми встретить огнем ненавистного противника.

Гордиан засмотрелся на эту активную деятельность в сущности совершенно далеких в прошлом от войны людей, с таким энтузиазмом готовящих себя и свое оружие к предстоящей бойне.

Глазея по сторонам и стараясь при этом не слишком болтаться под ногами, они с Никием вскоре потеряли Сабина в поднявшейся беготне, ничуть, впрочем, не опечалившись этим фактом. Было видно, что Сабин крайне зол. Он следовал в глубь обоза, где располагались его личная повозка, сопровождение и незначительная охрана.

Задолго до сегодняшнего утра бывший демиург получил от Трэйта однозначное распоряжение – держаться подальше от передовой линии и беречь себя. В принципе Гор так и собирался поступить, ничуть не желая подставлять свою голову, драгоценную не только для дела восстания, но и для себя любимого, под пули мушкетов и картечь. Однако, как обычно, судьба распорядилась иначе.

Проходя мимо людей, в страшном цейтнотедвигающих орудия на передовую линию, он испытывал недюжинные угрызения совести, ведь, как ни крути и не держись за воспоминания о собственном полубожественном сытом прошлом, это были его товарищи, с которыми последние месяцы он делил кров походной палатки и переламывал простой армейский хлеб. Поэтому, когда мимо проследовали расчеты из его собственной роты и одна из пушек застряла между кочек, он не смог удержаться.

Спрыгнув с лошади и тут же передав ее пробежавшему мимо гаврошу из обозной обслуги, Гордиан, повинуясь внезапному порыву, подбежал к влекомому расчетом орудию, немного растолкал взмысленных людей и изо всех сил приналег на колесо. Никий последовал за ним и вместе с парой бойцов прижался ко второму колесу с другой стороны.

– Взяли! Взяли! – кричал старшина расчета, подстегивая тяглового вола вожжами, а словами – людей. – Давай еще немного, давай!

Колесо выскочило из ямы, и команда расчета дружно потащила оружие дальше, однако Гор не отстал. Плечом к плечу вместе с ним давили на железную тушу порохового чудовища люди, каждого из которых он знал в лицо, каждому из которых он дал освобождение. Он не мог отойти, и пусть помощь его отнюдь не могучих юношеских рук была ничтожным вкладом в возможную победу, эта помощь была им нужна!

Теоретически пятая артиллерийская рота Орм-ского полка и дюжина орудий находилась под *его* командованием. Он следовал вместе с ней в обозе и ночевал в ее расположении во время ночных стоянок. Постоянная охрана выделялась ему Брандом из числа своих панцеров, в количестве двух или трех человек, а то и самого Бранда, однако, согласно подписанному Сабинном распоряжению, Гордиану Рэксу как офицеру Армии Свободы подчинялась именно пятая артиллерийская рота. Поэтому во время похода он привык командовать размещением роты во временном лагере, посылать вестовых из числа ее солдат, получать от Трэйта распоряжения относительно места роты в двигающейся колонне. Однако командование ротой *в бою* было поручено отнюдь не ему, а лейтенанту, натаскивавшему пятую роту во время учений и тренировок еще в Руции и Кербуле.

Лейтенантом этим оказался не кто иной, как под-мастерье самого Вордрика Аймена по имени Самсон, помогавший когда-то Гору выковать его первую «призывную» рапиру, поразившую тогда воображение всей Дуэльной школы. Тот самый, с которым в свой первый день в этом мире он брел из храма Хепри, скованный одной цепью с Никием и Рашимом. Самсон хоть и подчинялся Гордиану формально, но в боевой обстановке мог распоряжаться своими бойцами как угодно. Сейчас он носился вдоль линии заряженных картечью кулеврин, следя за расположением стволов и расчетов. Мельком он взглянул на Гора, но ничего не сказал, справедливо полагая, что никаких распоряжений относительно подобной оказии от Трэйта не получал и Тринадцатому пророку лучше знать, куда себя деть во время сражения. Впрочем, возможно, он просто не узнал знаменитого Фехтовальщика, успевшего заляпаться грязью, как и все бойцы, тащившие орудия по кочкам бывшего Ташского болота и через ручей.

Как бы там ни было, несколько минут и несколько метров спустя их пушка встала на свое место в линии перед шеренгами мушкетеров. Гор оказался на передовой.

* * *

В это же время в королевских рядах, уже вступивших на оставленную дозорными высотку, происходило спешное совещание сенешаля со своим полевым штабом. Точнее – спешная сходка с руганью и взаимными оскорблениями.

– Вы тупица, Жернак! – вскричал гвардейский полковник де Роше, указывая рукой в белой перчатке на длинные ряды сервов с пиками и мушкетами, которые выстраивались внизу на ровном поле в двухстах метрах от места, где заканчивался косогор. – Кто утверждал, что вилики еще не готовы к выступлению и не двинутся на юг без огромного перевеса? Их всего-то тысяч двадцать—двадцать пять! Так какого черта они делают в двух днях пути от вашей паршивой Бронвены?!

– Да откуда я знаю? – пробурчал в ответ генерал. – Уверен, если бы мы оказались на севере раньше, никто из виликов не рискнул бы и высунуть носа за стен своей крепости. А так... Вероятно, они рассчитывали на тот же эффект, что и мы. Если бы сервы оказались под стенами Бронвены раньше, чем мы выступили в поход, возможно, я бы и сам не вышел для боя до прихода подкреплений. Это ужасно, ведь мы так и не закончили укрепление города.

– Да к дьяволу ваш проклятый город, Жернак! Вот она, армия сервов, раздавим ее и дело с концом.

– Думаю, это не так просто. Числом мы равны. Качество подготовки у нас, несомненно, лучше, но не намного. Артиллерии у нас вовсе нет и местность для кавалерийских атак не самая идеальная – высохшие болота, кочки... Черт его знает! Не лучше ли отступить? Полагаю, преследовать нас они не станут. Наверняка сами ошарашены этой встречей.

– Да идите к черту, Жернак! Вы празднуете труса, и перед кем?! Перед скопищем вчерашних рабов? – Полковник презрительно расхохотался, глаза его смотрели на сенешаля с невероятной брезгливостью, словно он видел перед собой не умудренного опытом старого

офицера, а некое мерз-кое насекомое, внезапно обнаруженное им в салате. – Да я разметая их одной жандармерией! Готовьте свою паршивую пехоту и глядите, как нужно поступать с животными, не знающими своего места! – С этими словами де Роше резко развернулся и стремительно поскакал к конным рядам своих гвардейцев.

«Может, он и прав, – подумал Жернак. – Чего это я? Ведь это всего лишь сервы».

* * *

Сервы между тем закончили построение. Понукаемые офицерами Трэйта, пикинеры Армии Свободы встали в низине, где склон холма переходил в относительно ровную поверхность. Пикинеры расположились одиннадцатью большими квадратами, именуемыми также «терциос», в шахматном порядке – шесть терциос впереди, а пять – несколько приотстав.

Перед каждым таким квадратом имелось несколько прямоугольных построений мушкетеров, поставленных старинным строем «караколе», чтобы чередовать ряды с разряженными мушкетами на ряды с заряженными и вести по противнику непрерывный огонь. После очередного залпа передняя шеренга каждого квадрата оставалась на месте, заряжая оружие, а последняя шеренга устремлялась вперед, чтобы встать перед бывшей первой и дать новый залп. Так продолжалось раз за разом в течение боя, и отряд такими перебежками медленно продвигался вперед, как бы атакуя противника.

За караколе, обращенными узкой гранью к фронту, стояли прямыми рядами пикинеры в кирасах и рокантонах. Они предназначались для случая, если враг прорвется через огонь мушкетов.

А перед мушкетерами уже громоздились пушки, в ужасной спешке перевезенные вперед с конца походной колонны и изготовленные сейчас к огневому бою. Пятая рота встала именно *здесь*, на передовом рубеже самого центра позиций.

Расчет при каждой орудии имелся полный, и пока остальные бойцы подносили картечь, прочищали стволы и заряжали пушки, проверяли фитили и корректировали направление прицелов, Гордиану нечем было себя занять. Сняв со спины мушкет, который он совершенно без надобности таскал за собой уже свыше месяца, Гор решил, что наконец-то оружие пригодится и изготовился к стрельбе, зарядив «пукалку» и запалив фитиль. Никий, стоявший рядом, сделал то же.

– Не дрейфишь? – спросил его Гор, тщательно скрывая собственную дрожь в голосе.

– Есть немного, – ответил ему верный помощник, нимало не стеснясь.

Гор кивнул. Страх – естественный спутник в бою. Кто не испытывает страха перед смертью, тот либо псих, либо труп, третьего не дано.

В это время огромная пехотная масса королевских войск перевалила наконец через высоту пол-ночью и начала собственное построение.

Королевские пограничники и габелары, не привычные к бою в шеренгах и рядах, путались и суетились. Даже для постороннего глаза было ясно, что дисциплина и выучка у Трэйта оказалась куда лучше, чем в полках пресловутого корпуса возмездия, что бы там ни говорил по этому поводу Жернак. Сам сеньсаль скакал вдоль рядов, попрекая неопытных офицеров и расставляя пехоту такими же большими квадратами, как у сервов. Однако диспозиция не клеилась.

Вестовой, посланный Жернаком к рядам жандармерии, вернулся ни с чем и выглядел словно побитая собака. Жернак вознамерился уже отправиться к зарвавшемуся де Роше сам, чтобы заставить того выстроить свои эскадроны на флангах общей позиции (для возможного охвата противника), как внезапно с холодящим сердце ужасом осознал, что надобность в подобном перестроении совершенно отпала, поскольку проклятый герцог выбрал свою диспозицию *сам!*

Не дожидаясь построения основных сил и презирая все каноны воинской дисциплины, поток закованной в сталь жандармерии, визжа и улюлюкая как на кабаньей охоте, устремился вниз прямо в центр позиций изготовившегося противника.

Признаться, за триста с лишним лет Гордиан многое видел, однако атака жандармов заставила затрепетать его сердце.

Первым, что заполнило ум, был ужас, однако затем, когда спазм первобытного страха немного отпустил, пришло восхищение! Говорят, красота есть синоним целесообразности и совершенства. В данном случае речь шла, безусловно, о смертоносной целесообразности и смертельном совершенстве.

С развевающимися плюмажами, в алых гвардейских плащах и сверкающих полировкой золоченых кирасах, эти всадники казались демонами возмездия, явившимися, чтобы карать и разрушать. Они приближались к рядам кулеврин на огромной скорости, почти немыслимой для этого примитивного мира, не знавшего железных дорог и автомобилей, не говоря уже о воздушных судах. Они летели, воздев к небесам холодные, сверкающие клинки своих палашей, на каждом из которых притаилась смерть.

Впрочем, стремительность натиска гвардейской кавалерии была относительной. Конечно, на Гора, впервые оказавшегося на поле боя таких примитивных армий (до этого ему «счастливилось» участвовать только в космических баталиях, где лица противников ты видишь лишь на голографическом экране, и то, если во время дуэли линейных кораблей ведутся переговоры), потрясающий вид несущейся прямо на него кавалерийской массы не мог не произвести впечатления! Однако более опытный и бывалый рубака без труда заметил бы, что кочки, обильно покрывающие территорию бывшего обширного Ташского болота, так мешавшие тащить кулеврины, существенно замедляют гордый бег гвардейских лошадок и те выдают едва ли две трети от скорости своего знаменитого галопа.

К тому же всадникам мешали не только кочки. Поскольку жандармы атаковали строй своего врага в полном одиночестве, их могучее каре существенно растянулось и широкие ряды стали отличной мишенью для рабских мушкетов и орудий.

Лейтенант Самсон дал отмашку – и кулеврины плюнули картечью! Десятки тел, получив свинцовый подарок, вылетели из седел. Многих разорвало на части вместе с лошадьми, однако ряды гвардии не дрогнули. Состязаясь друг с другом в удали, они по-прежнему неудержимо неслись на сервов.

Гор и Никий выстрелили одновременно. Расстояние было подходящее, однако бешеный темп, в котором разворачивалась баталия и сказавшееся нервное напряжение не позволили им увидеть, поразило ли кого-то конкретно их выстрелами, поскольку вместе с ними, отлипнув от орудий, дали залп из пистолей и мушкетов артиллеристы ближайших расчетов.

А Самсон уже дал команду к следующему маневру. Как и полагалось после первого залпа, артиллерийская прислуга с центральных орудий побежала, понукаемая своими старшинами, и спешно укрылась за лесом из пик и мушкетов. Подхватив свое оружие, Гор и Никий устремились с организованной волной отступавших артиллеристов в промежуток между караколе мушкетеров, терциос пикинеров и далее, в резерв за вторую линию.

Боже! Ноги несли Гордиана так, как не носили никогда. Инстинкт самосохранения был в нем силен всю его долгую жизнь, как и у любого человеческого существа, умудрившегося прожить триста с лишним лет. Однако он не ожидал, что когда-нибудь будет спасаться от смерти бегством с таким животным энтузиазмом!

К физической гибели он всегда, даже когда у него еще не имелось прав и средств на Хебсед, относился достаточно спокойно. По крайней мере, он так думал до сегодняшнего дня. Видимо, есть в кавалерийских атаках что-то, что сильно пробуждает в атакуемых пронзительную жажду к существованию!

Наступая на пятки улепетывающих артиллеристов, кавалерия пролетела осиротевшие пушки и устремилась на нового врага – караколе мушкетеров.

Грянул залп. Затем еще. Атака кавалерии была необычайно стремительной, и стрелять долго не представлялось возможным. Однако от картечи и мушкетных пуль полегла едва ли не треть всадников!

Как и артиллеристы минуту тому назад, мушкетеры, отстрелявшись, схватили свое оружие и, сверкая подошвами ботфортов, организованно устремились в пространство между квадратами пикинеров. Гвардия наседала.

* * *

– Идиот! – заорал Жернак и дал сигнал к атаке своим солдатам.

Медлить было нельзя, иначе пехота противника просто раздавит гвардейцев всей своей нешуточной массой. И не выстроенные еще королевские пехотные полки двинулись вперед, дрожа неровными рядами и расстраивая шеренги.

Марш в раздрай! При грамотном использовании конная гвардия была решительной силой, в девяти из каждых десяти случаев обеспечивавшей победу в полевых баталиях, но сейчас... сейчас все происходило не так.

– Пикинерам – к бою! – скомандовал Трэйт, и команда его полетела вдоль рядов, повторяемая офицерами.

Частоколы пик опустились. Двухметровые пики, упертые в землю и прижатые правой ногой каждого бойца к влажной траве и кочкам, а обеими руками направленные на атакующего всадника, стали смертоносными жалами.

Слишком широко развернулось атакующее каре жандармерии, и потому, достигнув своего презренного противника, гвардейские эскадроны уже не имели необходимой силы и глубины.

На другом поле и при другом раскладе они смели бы и пикинеров, погнав их по вытоптанной земле и топчя копытами. Но что за атака, когда четыре ряда, даже конных, атакуют сорок рядов? Не атака, а смех.

Смех?!

О, нет, господа.

Последовал страшный удар, отразившийся внутри каждого, кто стоял в тот день в пикинерских шеренгах! Удар грудью в грудь. Лошадиной грудью в грудь пехотинца и в острие его пики! Кураж гвардейцев был велик, и они смяли первые шеренги сервов, как человек сминает траву сапогами. Рухнул первый, второй и даже третий ряд, жандармы врубались в гущу пехоты!

И тут же их стаскивали с лошадей, забивали насмерть, затаптывали ногами.

Видя избиение кавалерии, сенешаль велел пехоте ускорить движение. Захлебнувшись громогласным боевым ревом, королевские солдаты бросились на врага *бегом*.

Бежали с горки, однако даже и с горки бежать в кирасе, с двухметровой пикой да с болтающимся на бедре мечом – удовольствие ниже среднего, и дыхание сбивается очень быстро. Мушкетеры Жернака вообще отстали, да и что им было делать в такой толчее, когда из-за отсутствия строя и промежутков между построениями нет возможности после залпа отойти за спины защищенных доспехами пикинеров и предстоит рукопашная, в которой мушкетам – не место? Атакующая масса, оцетинившись тяжелыми пиками, окончательно смешала свои ряды и стремительно приближалась к противнику...

* * *

Гор остановился только у самого лагеря. Артиллеристы без потерь добежали туда же вместе с ним. Раньше остановились мушкетеры сервов. Они выстроились сразу за вторым рядом пикинерских квадратов, теми же вытянутыми прямоугольниками караколов, восстанавливая дыхание и перезаряжая оружие. Как бы ни окончился бой пикинеров, мушкетерские роты были готовы прикрыть отступление своей армии или стать ее резервом в случае победы.

Однако пушки ормских рот остались на передовом рубеже и участие артиллерии, по крайней мере центра ее построения, на который пришлась атака конных кирасир, в дальнейшем ходе сражения было окончено. Как говорится, нечем воевать – нечего и пытаться.

Артиллеристы перезарядили немногочисленные имевшиеся в их распоряжении мушкететы, пистолы, приготовили сабли, протазаны и стали ждать. Гор вогнал по пуле в оба своих пистолета, подготовил мушкет. Потом махнул Никию, и они, как и большинство сервов охранения и обоза, залезли на возы, чтобы оттуда наблюдать за ходом уже не огневой, а рукопашной битвы.

На глазах Гордиана происходило избивание гвардейской кавалерии. Но происходило оно лишь в центре батальной позиции. Фланги Армии Свободы оставались нетронутыми и были изготовлены к отражению новой атаки. Как только пехотные полки Жернака вышли на дистанцию выстрела, на флангах грянул залп артиллерии.

Затем мушкетный, мушкетный, мушкетный!

Дав в совокупности четыре залпа из пушек и свыше десятка – из ручного оружия, артиллеристы и мушкетеры армии сервов вновь хлынули врассыпную, уходя в резерв между построенных пикинеров.

Увидев, что все его стрелки окончательно закончили ретирацию, Трэйт подал знак, и второй ряд ошестившихся пиками квадратов двинулся вперед, становясь рядом с первым. Манипулярный строй превращался в фалангу, пикинеры сервов выравнивали ряды.

Атакующее железное море королевской пехоты наконец достигло линии одиноких орудий, и орудия эти разбивали ряды королевских солдат, как рифы в море разбивают волны, окончательно превращая их из военных построений в практически неуправляемую толпу. В центре же пикинеры Жернака столкнулись еще и с отступающими остатками жандармерии, с теми, что еще оставались в седлах, но большинство – на своих двоих и как могли спасались от наседающей ровной массы сервов, добивающих поверженную кавалерию выстрелами из пистолетов, пиками и пехотными кошкодерами. Метавшиеся по полю кони и раненые гвардейцы сильно смешали ряды наступающих, но не задержали их.

Наконец, все преграды были преодолены, и обе армии столкнулись!

Пики сервов, упертые в землю, поднялись еще раз...

И снова прогнулись под тяжестью нанизанных на них тел!

Из сомнамбулического оцепенения, в которое поневоле впал Гордиан, наблюдая за разворачивающейся панорамой истребительной батальной драмы, его вывела медвежья ручища Бранда, заехавшая по спине так, что Фехтовальщик от неожиданности судорожно втянул ртом воздух.

– Ну что, дружище, – хмыкнул закованный в латы великан, – не пора ли и нам на поле?

– Если ты не заметил, мы только что оттуда, – прохрипел низкорослый Гор, кивая на своих артиллеристов. – А ты мне так позвоночник ломаешь, оглобля мускулистая.

Однако фразу насчет позвоночника Бранд явно пропустил мимо ушей.

– Храбро драпать с поля, – заявил он, сверкая зубами, – это не резать на нем гадов! Мои парни застоялись в резерве без дела, и мы можем ударить по габеларам со стороны дороги. Трэйт сказал, что это будет самое то – Жернаку как нож в бок. Ты славный консидорий и вроде

как жалел, что в боевых операциях участвовать не будешь, вот я тебе и предлагаю. Но если нет, так мне и не надо...

– Ладно, не сопи, – прервал речь боссонца новоявленный лейтенант артиллерии. Ему почему, то стало обидно за упрек в отступлении ормских пушкарей – в конце концов, то был приказ Трэйта. – Сейчас кирасу нацеплю и двинем!

Гордиан быстро накинул и закрепил панцирь, нахлобучил обычный пикинерский шлем-рокантон, заткнул за пояс пару только что перезаряженных пистолетов и кивнул, подавая знак готовности. Они помчались к боссонцам, строившимся бронированным клином на фланге. Вместе с Гордианом к боевому порядку боссонцев присоединились успевшие облачиться в пикинерский доспех Никий, Рашим и еще почти три сотни артиллеристов. Все произошло слишком быстро, поэтому, только встав в строй, Гордиан получил возможность снова обратить внимание на панораму событий и оценить идею Бранда о внезапной атаке.

В центре схватки противоборствующие ряды стояли плотно, правое крыло королевских солдат и противостоящих им позиций сервов оказалось прижато к сопке, и люди здесь резали друг друга в ужасной тесноте. Однако левый фланг, развернутый боком к дороге, рассеивал свои рваные шеренги по обширному открытому участку.

Именно здесь, скрывшись за спинами пикинеров, и строил свой бронебойный клин консидорий Бранд Овальд. В распоряжении великана имелось всего восемьсот воинов – батальон специального назначения, как их именовал про себя Гор, плюс три сотни вооружившихся мечами и пиками артиллеристов. На поле топтались и умирали тысяч человек, поэтому атака Бранда вряд ли могла стать судьбоносным финалом баталии и принести победу. Задача, как понял бывший демиург, была значительно уже – немного поджать массу противника слева, чтобы не допускать их рассеивания в сторону тракта, превратив Ташское поле в своеобразный мешок, а также, разумеется, не дать простаивать брандовским головорезам и лишний раз пощипать врага.

Ставка делалась при этом не на численность нападавших и даже не на неожиданность атаки, поскольку все приготовления генерал Жернак мог легко наблюдать со своего поста на вершине высоты, а на само направление флангового удара и бешеный натиск великолепно подготовленных именно к *рукопашной схватке* рослых и страшных боссонских консидориев.

Гор не относил себя к «рослым и страшным», а потому встал в строй за линией брандовских воинов вместе со своими артиллеристами и наскоро проверил личную амуницию.

Два пистолета, кинжал с короткой и простой защитной гардой («призывую» дагу он оставил в Кербуле) и длинный меч. Учитывая, что бой будет преимущественно рукопашным, мушкет он решил оставить. Однако возникал вопрос о мече.

Гор отлично отдавал себе отчет, что в сражении, в тесном порядке строевого боя его фехтовальный навык в обращении с рапирой не стоит практически ничего. В таких условиях удар может прийти к тебе не от фронтального противника, а от стоящего сбоку и слева и справа. Здесь, нанеся смертельную рану, необходимо быстро вытащить оружие и быть готовым к следующей короткой схватке, когда нет места для длинных выпадов, а к концу сражения (если ты выжил) рука слишком устает, чтобы в необходимом темпе выполнять элегантные фехтовальные финты. Да и сама рапира – не оружие, а легкая никчемная игрушка до «первого заколотого», поскольку второй, вооруженный элементарным тесаком, тебя немедленно угробит. Поэтому еще в Кербуле, перед началом похода на Бронвену, Гор долго думал, какое оружие будет для него наиболее эффективным не на призовом ристалище, а в условиях полевого боя.

Кавалерия современных эшвенских армий использовала палаши и длинные сабли, отлично приспособленные для конной схватки, когда удар наносится преимущественно сверху вниз. Именно такой длинной саблей Гор часто опоясывался во время похода. Именно с такими палашами наскакивали на ряды сервских пикинеров гвардейские кирасиры. В конном бою

были важны длина оружия и его вес, чтобы придать инерцию и ускорение удару, доставая противника на расстоянии. Но для фехтования на земле такое оружие было слишком тяжело.

Пехота эшвенских армий всю пользовалась пиками, применяемыми только для боя в строю. Специфика такого боя основывалась на том, что эффективные удары можно было проводить лишь в плоскости, перпендикулярной к своей шеренге. Держать оружие под другим углом, не мешая рядом стоящим бойцам, оказывалось попросту невозможно. Кроме того, пехотинцы применяли короткие пехотные мечи-«кошкодеры», которые по сути представляли собой гибрид «полуторки» по исполнению эфеса и примитивного гладия – по длине.

Более короткое, но при этом более широкое и массивное, такое оружие предназначалось не для «правильного» поединка, а скорее для кровавой резни в хаосе ближнего боя, когда шеренги спутаны и бойцы дерутся в тесноте и давке, нанося друг другу удары как дикие звери. Не мастерство, а только сила, выносливость и удача служили здесь оружием!

Нужно признать, что в такой ситуации кацбальгер действительно являлся самым лучшим из всего, что только можно вообразить для схваток в тесноте полевой баталии. Однако если происходила индивидуальная схватка, боец, вооруженный кошкодером и вставший лицом к лицу с другим, вооруженным, например, рапирой или кавалерийской саблей, попросту обрекал себя на смерть, ибо для *фехтования*, а не резни в толпе, этот предмет никоим образом не годился.

Исходя из всех этих соображений Гордиан отвергнул специально изготовленные перед этим колише-мард, рапиру, палаш и остановился (как и в случае с налетом на отель Хавьера) на двуручном мече-бастарде, правда, с облегченным и более узким лезвием. Оружие как всегда изготовил для него сам Вордрик Аймен, отвлекшийся от своих полковничьих обязанностей на двое суток, понадобившихся на сотворение и доведение клинка до ума.

Технически превосходство «модифицированно-го бастарда» сводилось к следующему. Меч обладал достаточной длиной, не уступая кавалерийскому палашу или сабле, но при этом имел увеличенную рукоять, чтобы им можно было работать двумя руками. Использование при рубке обеих рук компенсировало возросшую из-за длины тяжесть клинка и делало меч более маневренным и быстрым оружием для наземного поединка, чем сабля или палаш, что позволяло использовать его не только в лихой кавалерийской атаке, но и в пешем бою.

В то же время клинок в отличие от сабли или палаша был прямой и с обоюдной заточкой, а это значит, он позволял не только рубить с плеча, но и наносить прямые колющие удары, нацеленные «на пробой» доспеха (как эсток), что в ситуации схватки с бронированными жандармами было чрезвычайно важно. Таким образом, при индивидуальном поединке Гору оставался доступен столь любимый им длинный выпад и финты, хотя, конечно, тяжесть оружия несколько замедляла их выполнение.

В полевом бою при столкновении одной воинской массы с другой, в тесноте рукопашного боя излишняя по сравнению с кошкодером длина клинка станет немного мешать, однако этот недостаток Гор был намерен компенсировать, используя двуручный хват. Пехотные кошкодеры были одноручными, поэтому он мог смело надеяться на большую силу атакующих ударов, ударов-отражений и большую скорость их выполнения. Щитов в современном бою никто не использовал, поэтому левая рука оставалась свободной и могла применяться для приемов с бастардом. Каждый пикинер или кавалерист, правда, брал с собой в бой вместо щита заряженный пулей или картечью пистоль. Последний, конечно, не мог защитить от удара мечом, но зато мог прихватить с собой на тот свет одного, а то и двух-трех (если удачно выпалить картечью) вражеских бойцов.

По-видимому, этот размен вполне устраивал всех потенциальных участников баталий, а тем более полководцев, так что щит-рондаш повсеместно был вытеснен пистолью. Гор, пользуясь своим недавно приобретенным офицерским достоинством, имел, как уже говорилось,

целых две заряженные пистолы, поэтому отсутствие щита у него компенсировалось в достаточной мере.

Модифицированный Вордрикком бастард Фехтовальщика получился оружием уникальным и единственным в своем роде, как, впрочем, и почти все, что делалось кузнецами по его заказу. Поэтому не мудрствуя лукаво Гор решил придать смертоносному новому клинку еще большую индивидуальность, придумав ему название. С Кербуля прошло немного времени, и время это было необычайно плотно забито, поэтому у Гордиана не оставалось шанса в спокойной обстановке придумать имя своему оружию. Идти же в бой с безымянным мечом не хотелось.

Сейчас, глядя, как клин боссонцев медленно выдвигается на позицию для атаки, а расстояние до рядов врага постепенно сокращается, Гор понял что назовет свой бастард «Равенством», коль скоро предназначался он для борьбы сервов против угнетения и за равенство всех людей в этом забытом современной цивилизацией мире. А лучше – «Уравнитель», ибо как для восстановления попорченной справедливости, так и для отсекования голов и конечностей (двумя руками сечь голову легче, чем одной, да и заточка позволяет), он годился одинаково хорошо.

С такими вот человеконенавистническими мыслями Гордиан Рэкс, демиург и бизнесмен, трехсотшестидесятилетний старик и шестнадцатилетний юноша, презренный раб и непревзойденный чемпион делал в составе бронированного клина боссонцев последние шаги к смерти или к победе сервов.

В принципе, он мог вернуться в обоз и поберець свою жизнь.

Собственно, Трэйт так и приказал. Однако впереди всех, на самом острие клина, мрачно сжимая чудовищный фламберг, шагал Бранд, а рядом с Гором справа и слева с суровыми лицами двигались кадеты Рашим и Никий. Мог ли он вернуться в резерв, уйти от них – людей, с которыми соединила его судьба? Пожалуй, нет. И если бы смог – не вернулся.

Сомненья прочь, вперед, вперед!

От места, где стояли возы с обозом и мушкетеры резерва, от места, где строился их панцерный клин, и до передовых шеренг противника от силы было двести метров. Казалось, не прошло и нескольких минут, когда они быстрым шагом плотного строя преодолели это расстояние. Однако для Гордиана, так же как и почти для всех, кто стоял рядом с ним, эти минуты казались вечностью.

Сердца лихорадочно стучали, колени предательски подрагивали под краями мундиров. Почти все, кто стоял рядом, включая именитых консидориев типа Бранда Овальда, шли в такой бой впервые.

Это на ристалищах и аренах они были львами, стяжателями славы и ласковых взоров восхищенных матрон и их не менее восхищенных рабынь, это там, в своих школах и шато, они считались ветеранами. Здесь, когда тысяча человек атаковала многотысячную массу, вгрызаясь в нее как клещ в человеческое мясо, расклад получался иной.

Каждый из стоящих в строю был всего лишь пылинкой по сравнению с неукротимой мощью громадного человеческого моря, топтавшегося на поле и планомерно пожиравшего самое себя, превращая живых существ в холмы, в сопки и в горы из трупов.

И они врезались в строй вражеских пикинеров! Не так резко и споро, как гвардейская кавалерия в строй рабов тридцать минут назад, но последствия, пожалуй, оказались даже страшнее. С противным выдохом Бранд первым врубился в строй копыеносцев, разметал их своим огромным телом и со смачным звуком погрузил чудовищных размеров клинок в голову ближайшего офицера, расколов ее вместе с рокантоном.

Чва-кк! Бранд вытащил фламберг, и измазанное в серой густеющей массе оружие вновь взмыло в воздух, чтобы найти новую жертву. Клин тяжеловооруженных консидориев вошел

в плоть бесформенной и не готовой к отражению их натиска тучи королевских пикинеров, стаптывая ряды своего врага один за другим!

Брызгами разлетелись в стороны одинокие фигуры королевских солдат, вытесненных из строя на открытое поле. Некоторые из «расплесканных» жернаковских бойцов, не видя возможности сражаться в таком хаотическом море, совершенно лишенном даже подобия построения, стали уходить из боя, бросая свои неуклюжие в тесноте пики, и начинали подниматься к высотке, где за ходом почти решенного поединка двух армий наблюдал с горестным выражением лица их полководец.

Постепенно, под давлением плотных вражеских толп, лишенных строя, но слишком сжатых, чтобы проворно отступить перед боссонцами, броненосный клин распался, тупоугольный треугольник превратился в линию. Линия эта немного изогнулась вперед где-то в середине, где продолжал героически превращать в трупы все живое старина Бранд.

В результате Гордиан и его «артиллерия», то есть три сотни пушкарей-ормцев, оказались вновь на передовой. Выхватив оба пистолета, Гор выстрелил через голову рубящегося впереди консидория сначала в одного из королевских пикинеров второго ряда, затем в другого. Один свалился замертво, второй, бросив оружие, схватился обеими руками за лицо, зацепленное пулей и, сотрясаясь всем телом, дико завывл. При этом он оставался на ногах, а значит, был только ранен, причем не слишком тяжело. Это, впрочем, не имело значения, ибо в ужасающей давке несчастного тут же свалили свои же сражающиеся товарищи и он оказался затоптан отступающими пикинерами и наседающими консидориями.

В этот момент чьи-то жестокие руки вогнали пику в живот стоявшего впереди Гордиана бронированного бойца. Неизвестно, каким образом эта пика еще оставалась в руках своего хозяина, ведь в такой тесноте орудовать копьем было просто невозможно, однако Гор увидел окованное железом острие, торчащее из спины прикрывавшего его товарища. Пика проткнула кирасу как спереди, так и сзади.

Бросив быстрый взгляд вперед, Гор понял, что удар такой силы был возможен только благодаря тому, что направили его сразу два пикинера. Один из них держал свое оружие двумя руками в середине древка, а второй, навалившись облаченной в кирасу грудью и вцепившись в древко двумя побелевшими от напряжения кулаками, давил на основание этого двухметрового копья сзади.

Консидорий медленно осел наземь, и Гордиан отчетливо понял, что сейчас окажется в первой шеренге! И ничто кроме его оружия и Господа Бога, если тот существует, не сможет защитить брэнное существование Гордиана Рэкса от танцующей по всему полю Госпожи Смерти. Нисколько не раздумывая, ибо думать просто не оставалось времени, он двинулся вперед и в нелепом пируэте козлино-барашечьего прыжка взмахом «Уравнителя» вскрыл горло первому пикинеру. Усилий это практически не потребовало, поскольку тот был слишком поглощен вдавливанием своего излишне длинного оружия в живот поверженного консидория!

Второй пикинер оказался несомненно проворней. Живо отпрыгнув назад, он выпустил из рук уже не нужное древко и выхватил из ножен кацбальгер. Сделав по инерции еще шаг назад, он уперся в другой оседающий труп, но уже не лавзейского консидория, а королевского солдата.

Затем, с неестественным для человеческого горла криком, пикинер метнулся к Гордиану, надеясь поразить его своим коротким оружием, вращая им какими-то невероятными, судорожными движениями.

Почти неосознанно Гор выставил вперед свой более длинный меч и напряг кисти. Пикинер, по-видимому, находился в аффекте и практически не уклонялся, а возможно, просто был неумел и надеялся компенсировать отсутствие умения отвагой. Клинок «Уравнителя» прополрол пикинеру горло и вышел через затылок, попутно распоров щеку и сломав челюсть. Отработанным на тренировках движением, Гор вытащил лезвие из того, что секунду назад было

человеческой головой, однако тело осело слишком быстро и меч оказался невольно увлечен падающим трупом к земле.

И в это время к Гордиану подлетел третий! Фехтовальщик понял, что не успевает разогнуться, чтобы отбить атаку, и приготовился уже принять на шею ужасный рассекающий удар, как выстрел, прогремевший из стоящего за его спиной ряда, снес атакующему полгрудины вместе с рукой, порвав кирасу как тряпку.

– Картечь! – проорал Никий. – Нужно заряжать картечью, а не пулей, сэр. Больше площадь поражения.

С этими словами Никий отбросил пистоль и, широко шагнув, встал рядом со спасенным им Фехтовальщиком, вытаскивая меч.

Сражение на фланге окончательно потеряло форму. Клин распался на несколько отдельных частей продолжавших упорно пробиваться вперед – сказывался класс рукопашной подготовки консидориев. Однако бойцовский навык не позволял полностью компенсировать их малочисленность – и батальон Бранда таял.

Впрочем, задача была выполнена. Потрясенная коротким, но яростным ударом панцирного клина, бесформенная масса королевских пикинеров перестала рассыпаться в сторону дороги и старалась сплотить ряды для отражения бешеной атаки консидориев. Трэйту только это и требовалось. Зжатые как в мешке, сбитые в плотную кучу, королевские солдаты оказались не в состоянии противостоять стройным рядам сервских полков и батальонов, продолжающих наступать на них смертоносными ежами окованных металлом пик.

В центре стояли пикинерские батальоны сервов. Двумя батальонами командовали чемпионы Сардан Сато и Люкс Дакер.

Дакер был опытным рубакой и более всего предпочитал в бою импровизацию и возможность самовыражения. Вот для кого убийство воистину являлось искусством, а не работой и спортом! Он всегда сражался как заново, используя новые приемы, подсечки и если возможно – незнакомое оппоненту оружие. Его стилем было ошеломить противника, удивить его неожиданным приемом или финтом, насесть на изумленного врага и, не давая опомниться, подавить его своей скоростью и разнообразием ударов! Однако это был стиль поединка на ристалище, куда он выходил, чтобы встретиться со своим противником один на один, оставаясь уверенным в своей силе, скорости и профессионализме.

Сейчас же Дакер командовал батальоном, набранным, безусловно, из средних, если не сказать посредственных бойцов, и не мог быть уверен ни в чем, кроме привитой им самим на полигонах Кербуля привычки своих солдат к действиям в строю.

Если строй разойдется, они побегут.

Если строй разойдется, они будут беспомощны, ибо обучены владению оружием только стоя плечом к плечу, когда враг – впереди тебя, а с боков – лишь твои товарищи.

Колоть пикой в строю нужно исключительно вперед и влево, если ты стоишь в первом ряду.

Либо исключительно вперед и вниз, через плечо товарища, если стоишь во втором. А значит, здесь нет места импровизации – только отработанная технология.

Шаг вперед – укол! Шаг вперед – укол! Коли врага чуть левее себя, а стоящий справа позаботится о том, кто стоит перед тобой. Стоящий за спиной держит пику так, чтобы защитить вас обоих, а если ты упадешь, займет твоё место.

Раз, раз, раз.

Мечи и даги с изогнутыми гардами, краса и гордость «призовых» схваток, болтаются в ножнах. В руке – либо пика, либо пистоль.

Такова дань цивилизации – лить кровь технично. Ты не боец, а звено в боевой машине. Споткнулся, упал – смерть. Тебя затопчут свои, ибо остановить тысяченую машину невозможно.

Шаг вперед – укол. Раз! Раз! Раз!

Сардан был менее склонен к импровизации и механистическая работа его батальона – такого же комбайна смерти, как и у Дакера, – завораживала опытного рубаку меньше, чем его старого товарища.

Как и Дакер, Сардан был прежде всего консидорием, опытным бойцом, спортсменом и лишь потом – рабом, а значит, с детства был приучен в первую очередь к суровой дисциплине. Эту дисциплину за несколько месяцев усиленной подготовки в Кербуле он привил и своим бойцам. Пикинеры Сардана буквально чеканили шаг и выплевывали острия своих пик вперед, как дикобраз одновременно всем телом ошетиливается шипами. Подобно единому живому организму, батальон Сардана полз по полю, с каждым шагом собирая с него обильную кровавую жатву.

Шаг вперед, укол. Раз, раз, раз.

Жернак смотрел с высоты на избиение своей армии, которую и армией-то в этот момент назвать было нельзя. Огромная масса войск, зажатая фалангой пикинеров и холмами в небольшой долине с высохшим Ташским болотом, разбивалась о ряды вражеских пик как волны о камень, оставляя на этих орудиях смерти кровавую пену.

Он видел, как в нелепой попытке небольшой отряд рабских латников, судя по доспехам бывших гладиаторов, построившись клином, попытался атаковать его фланг. Отряд был слишком незначителен, чтобы его потуги могли отразиться на общем течении сражения, но атака латников оказалась яростной и имела несомненный напор. Клин впился в бок его армии, не позволив рядам королевских солдат растечься в сторону тракта, словно пинком заставив его правофланговые батальоны сбиться плотнее и не уходить из-под удара основной массы сервских пикинеров.

Это, впрочем, не сильно усугубило дело, поскольку усугубить его сильнее, чем это сделал де Роше, по мнению Жернака, уже было нельзя. Спустя еще пять минут поражение стало очевидным, причем не только для него. Мушкетерские роты, внимательно наблюдавшие за баталией, вместо того чтобы изготавиться к огневому бою в случае прорыва противника, стали заметно таять, исчезая за холмами высоты по группам и по одному.

Жернак выругался и хотел послать штабного офицера, чтобы вернуть подонков, но воздержался – офицера могли просто пристрелить. Да и было это, похоже, уже ни к чему. Линия его пехоты дрогнула окончательно. Невидимая судорога прошла по ней как по живой плоти, мучимой сильной болью, и в следующее мгновение королевские солдаты бросились наутек, теряя остатки мужества, оружие и стаптывая неловких товарищей. Бежать в гору было значительно труднее, чем сбегать с нее получасом раньше, а догонять и настигать в организованном порядке – значительно проще, но уже не для королевских солдат, а для победителей-сервов. Чтобы преследовать и избивать своего поверженного врага, рабам даже не требовалась кавалерия! Воистину крутой склон высоты стал для выдохшихся королевских солдат «фатальным» препятствием и капканом: сражение окончательно превращалось в резню!

В центре и справа эта резня кипела как вода в котелке, лопааясь кровавыми пузырями. Наступая друг другу на пятки, королевские солдаты отступали в горку, и поскольку их бегство было крайне не организованным, бойцы сталкивались, сбивали друг друга с ног, путались в оружии и амуниции. В результате общая скорость ретирации королевского войска была в целом крайне незначительной.

Сервы же наступали аккуратно и строем. Хотя они также выдохлись и им также тяжело было идти в гору, соблюдая порядок, неся на себе кирасы и рокантоны, их шествие выглядело иначе.

Батальоны шагали ровно, настолько, насколько это было возможно при неровном подъеме, и с каждым очередным криком командира руки выбрасывали вперед острия пик, а пере-

заряженные в задних рядах пистолы давали очередной залп. Постепенно подъем к высоте покрывался слоем трупов, а трава с зеленого меняла свой цвет на багровый.

«День смерти, – подумал Жернак. – Это день смерти, другого названия не подберешь».

Ситуация слева между тем была иной. Линия боссонцев оказалась все же слишком короткой, а значит, не могла полностью перекрыть путь к отступлению королевских солдат в сторону дороги. Отдельные небольшие отряды и солдаты-одиночки просачивались то там, то здесь и, отшвыривая оружие, сдирая на ходу кирасы и шлемы улепетывали к тракту и роще, стоящей за ним.

В конце концов всякое подобие строевого боя окончательно исчезло. Боссонцы прижались к левому крылу трэйтовских пикинеров и, подобно легкой кавалерии, принялись истреблять пробегающих мимо отступающих, большая часть которых старалась покинуть поле битвы как можно дальше от рядов боссонского отряда. И все же, в начале бегства теснота была просто невероятной, поэтому значительной группе королевских пикинеров пришлось бежать, прорываясь через консидориев Бранда и ормских артиллеристов. Оставшееся подобие брандовских шеренг оказалось тут же разбрызгано по полю, и прорыв превратился, по сути, в нескончаемую серию сумасшедших, лишенных всякой тактической логики поединков.

Гор был чемпионом авеналий и старался драться, показывая высший класс. Понимая, что противостоят ему отнюдь не мастера, и будучи не в силах отражать ослабленной рукой многочисленные удары, он стремился не столько отбивать атаки мечом, сколько уклоняться от них. И не пробивать латы, а наносить короткие уколы и рассечения в незащищенные части тела и головы противников.

Несколько бешеных минут ему это удавалось, он поражал глаза и горла, отсекал кисти и вспарывал бедра, однако вскоре понял, что более не в состоянии выдерживать подобный темп, и пику следующего противника встретил простым боковым парированием, принимая на свой меч всю силу удара.

Солдат с пикой был явно крупнее его. То, что он сохранил в бою свое оружие, говорило об одном: большую часть сражения ему пришлось топтаться в страшной давке в задних рядах. Возможно, он вообще еще не успел принять участия в рукопашной, а только давил кирасой на спины впереди стоящих товарищей, чтобы усилить натиск.

Гор же после почти сорока минут интенсивной рубки в первых рядах измотался практически до полного изнеможения и вообще не понимал, как держится на ногах. Тело было покрыто ушибами и порезами, а ладони представляли собой сплошной синяк – столько ему за этот день пришлось принять на меч жестоких ударов. Однако место и время явно не подходили для того, чтобы раскисать. Краешком сознания Гордиан понимал, что битва Жернаком проиграна, поскольку враг бежит, и возможно осталось выдержать всего несколько минут.

Но их еще нужно было *выдержать!* Лишиться головы в такое время казалось обидно до коликов, и хотя эта самая голова уже практически ничего не соображала, Гор продолжал сражаться.

Пикинер держал свое оружие двумя руками, к тому же пика была тяжелее, чем меч, а сам ее носитель – существенно здоровее бывшего серва. Поэтому он легко и совершенно молча (экономил дыхание, тварь) откинул оружие Гора и попытался еще раз нанизать того на древко. Пика значительно длиннее любого меча, и подступиться к пикинеру у Гордиана не было возможности. В «призовом» поединке Гор завалил бы такого детину с копьём играючи, поскольку в нормальном состоянии наверняка превосходил того в скорости движений, однако сейчас в полубоморочном состоянии тягаться с кем бы то ни было в реакции и мобильности Гор не мог. Поэтому приходилось пользоваться теми преимуществами, которые у него оставались.

Пика не имеет гарды, а руки его противника – кольчужных перчаток. Уйдя корпусом с вектора укола, Гор еще раз отразил выпад боковым ударом, немного вывернул свой меч, чтобы

заточка не впивалась в дерево, и затем резко провел оружием вдоль древка копья, пока клинок не уперся во что-то мягкое. Теперь – лезвие на себя! Пика свалилась на землю!

Гор поднял глаза и увидел лицо пикинера, тупо уставившегося на кисти рук с окровавленными обрубками пальцев. Дико и как-то придавленно заорав, несчастный бросился вперед и рванул мимо Гора в сторону дороги, подстегиваемый ужасом и безумием. Но Гор уже не смотрел на него. Из последних сил сжимая в руках забрызганный кровью по самую гарду бастард, он озверело озирался по сторонам в поисках очередного врага. Вокруг еще пробежали люди, но они находились слишком далеко, чтобы достать их мечом, а гонятся за отступающими по полю уже не оставалось никаких сил.

В нескольких метрах от него, также озираясь по сторонам и тяжело вздымая могучую грудь в иссе-ченном доспехе, стоял Бранд. Где-то в толпе оставшихся в живых консидориев и ормских артиллеристов на земле сидел Рашим, положив свой меч на колени и отирая усталой ладонью с потемневшего лица свою или чужую кровь.

Никия видно не было. Но, возможно, он просто оставался скрыт рядами солдат. Метрах в пятистах правее этой картины по-прежнему маршировала фаланга сервов и тысячи вражеских бойцов, бросая оружие, вздымали руки кверху, сдаваясь на милость Армии Рабов. Задрав голову к небу и воздев вверх свое гигантское оружие, Бранд заорал что есть мочи:

– Победа! – надрываясь, хрипел он. – Победа!

И этот зов единым порывом подхватили сначала его латники, а затем и все огромное живое поле рабской армии. Потрясая мечом, в каком-то диком исступлении, также раздирая глотку и легкие, Гор скакал на месте и, забыв о порезах и ушибах, вместе с обезумевшей от эмоций толпой, кричал самое сладкое слово из всех, что ему когда-либо доводилось произносить.

– Победа!!! – кричали они.

Жернак печальным взором осмотрел высохшее болотце и долинку, где наверняка заканчивалась его военная карьера, а возможно, и жизнь. Такого поражения, да еще и сопряженного с гибелью целого гвардейского полка, король не простит. В лучшем случае – отставка, а в худшем... О худшем лучше не думать.

Он подозвал адъютанта со своим любимым скакуном и велел трубить общий отбой, впрочем, совершенно не нужный, ибо настоящий отбой его воинству был дан несколькими минутами ранее пиками и мушкетами сервов.

– Соберите кого можно, – крикнул он вестовым. – Отступаем в Бронвену!

Глава 5

Абонент Хепри

После блистательной победы сервы ликовали. Однако составлявшие львиную долю армии восставших рабов жители Верхнего Боссона понятия не имели о реальных пределах вселенского государства, против которого поднялись на войну, и величии церкви, которая им противостояла.

Единое королевство по праву называлось именно «вселенским», а не каким-либо иным, например «всемирным» или «материковым», ибо охватывало своими весьма размытыми границами практически все цивилизованные территории Твердого Космоса. «Размытыми» его границы являлись потому, что у Единого королевства, вопреки воодушевляющему названию, на самом деле отсутствовала целостная структура управления этими воистину «космическими» территориями.

Большую часть земель Единого королевства занимали относительно независимые политически государства, связанные с метрополией после тысячелетий колониальных войн вассальными, а также данническими обязательствами. Распространены были «протектораты» и «доминионы», и только в очень редком количестве случаев, в пропорции примерно один к ста, в побежденной стране устанавливалось «прямое» правление Единого короля в форме «оккупированной территории» или «колонии».

«Данью», которую выплачивали покоренные народы, являлись вовсе не деньги и золото, а так называемый «налог кровью», состоявший в обязательстве побежденного государства ежегодно поставлять Его величеству королю рабынь, рабов и солдат в некоем фиксированном количестве. Зачем это нужно было Его величеству, учитывая наличие клонических машин в храмах Хепри, никто не знал. Возможно, монарх-победитель пытался таким образом унижить поверженного противника, а возможно – просто экономить, ведь клоны в храмах доставались ему не бесплатно...

Как бы там ни было, земли вассальных монархий и республик-протекторатов составляли ничтожную долю территории, подчиненной власти вселенского государства. Твердый Космос включал миллионы планет-каверн. И большая часть из них оставалась пуста и необитаема.

За исключением трех сотен изначальных миров, согласно легенде сотворенных самим Богом Света за четырнадцать дней, планеты-каверны обычно создавались кем-нибудь из кардиналов. Церковные техники в храме Хепри собирали из заготовок нуль-портал, подключали питание и активировали внепространственный туннель в произвольную точку каменной Тверди. Туда переносился сначала нуль-генератор будущей звезды, затем силовое поле медленно раздвигало Твердь, создавая таким образом, будущую планету-каверну. Под ужасным давлением силового поля камень Твердого Космоса накалялся на границе с пустотой и растекался жидкой магмой. Однако постепенно давление на границе выравнивалось – Твердь отступала, как вода под днищем многотонного корабля, и плотное давление близких к силовому полю слоев растекалось и распределялось по всему Твердому Космосу. В результате температура на поверхности нового мира становилась стабильной. Чтобы удержать на поверхности планеты-каверны почву и грунт, клерики включали второе силовое поле, проходящее уже по самой границе образовавшейся твердой «коры» и расплавленной в глубине «магмы». Средняя глубина такой «границы» составляла обычно сорок—пятьдесят километров – вполне достаточно для рытья солдатских окопов и фундаментов для строительства домов. Глубинным бурением же в Твердом Космосе никто пока не увлеклся...

После этого первое поле отключалось. В каменной Тверди образовывался силовой «пузырь», покрытый изнутри слоем «коры каверны». С этой минуты новорожденный «подземный» мир начинал свое обыденное существование.

Церковные клерики проносили сквозь нуль-портал споры и семена, рассеивали их по земле и очень скоро, на гигантских окружностях вокруг храмов появлялась обширная зеленая зона, куда чуть позже священнослужители выпускали диких животных и птиц. Простейшая технология была отработана богатой практикой, и уже через сотню лет, в новом мире повсюду властвовала природа, а непуганые животные бродили по девственным просторам неисчислимыми многоголовыми стадами...

И все же, несмотря на буйное биение жизни и огромный возраст большинства таких «новых» или «кардинальских» миров, почти все из них оставались дикими и необжитыми, а человеческая стопа не касалась их плодородного грунта. Число планет-каверн, освоенных человеком и изученных храмовыми учеными за тысячи лет с момента явления Хепри, оставалось просто ничтожным. Число это колебалось где-то в от десяти до двенадцати тысяч каверн – не слишком много для бескрайнего Мироздания.

В большей части указанных миров проживало от силы несколько сотен тысяч колонистов, поселяв-шихся в непосредственной близости от храма Хепри, через который осуществлялась связь между не-освоенным миром и метрополией. Несколько городков, сотня деревень – вот и все население. На урбанизированный мегаполис, таким образом, вселенная Твердого Космоса совершенно не походила.

Иную картину можно было видеть в «изначальных» трехстых мирах. В отличие от миллионов миров «кардинальских», старые каверны существовали значительно дольше, и это значило, что почти вся их поверхность к моменту явления Хепри уже была освоена и заселена. Именно в «трехстах изначальных» кавернах располагалось большинство государств-вассалов, колоний и протекторатов Единого короля.

Впрочем, низкая плотность населения имела место и здесь. Если перейти к абсолютным цифрам, как сказал бы Гордиан Рэкс, население каждой из «трехсот изначальных» планет-каверн достигало всего двадцати—тридцати миллиардов человеческих особей на каждый мир-пузырь. То есть ничтожно мало, учитывая огромные размеры любой планеты-каверны. Диаметр самой маленькой из них, насколько Гор понял из прочитанного когда-то Большого Атласа Географии, найденного им в библиотеке Лавзеи, составлял не менее одной, принятой в Корпорации, астрономической единицы. И для такого потрясающего размера население, измеренное всего лишь *миллиардами*, казалось ускользающе малым.

С другой стороны, число жителей вполне соответствовало примитивному укладу и средневековым декорациям, в которых неизвестный творец выполнил Твердый Космос. И какого-нибудь доисторического чиновника, подсчитывающего землепашцев для сбора податей, количество лапотников на одну квадратную милю площади, вполне бы удовлетворило.

На плодородных землях планетарных сфер ютились деревеньки и города, однако соседние с «населенными» территории могли оставаться дикими и заселяться варварами или зверьем. Повсеместно, на огромных участках суши гигантских планет-каверн, покрытых лесами, прореженных горными хребтами, захваченных пустыней или океаном со множеством островов, численность посадок и сел то соскальзывала к нулю, то, на маленьких плотно заселенных участках, стремилась вверх, составляя из объединенных человеческих поселений настоящие средневековые мегаполисы!

Государства и процветающие торговые порты перемежались в Эшвене с океанами диких степей и лесными чащобами. Тайга и джунгли часто подступали прямо к стенам великих столиц, а широкие реки влекли купеческие корабли меж колосющихся хлебных полей и меж горных круч, никогда не видевших человека...

Самым крупным миром Твердого Космоса, а потому и самым заселенным считалась Центральная планета-каверна, самый первый мир, созданный Богом Света. В соответствии с возрастом, в самом старом мире проживало значительно больше людей – около сорока миллиардов. «Миллиарды» эти концентрировалась в основном на относительно небольшой группе

континентов, расположенных чуть севернее экватора, образовавшихся на самом стыке колоссальных тектонических плит. Соединение плит и разломов между ними объясняло замысловатый рисунок берега и серию обширных внутренних морей и пресных водоемов (так называемый «Антийский озерный каскад»), омывающих этот своеобразный демографический и религиозный центр огромной «твердой» вселенной. Именно здесь, на стыке геологических плит и морей-разломов, размещался Эшвен-Камень – небольшой субконтинент, давший название существующей ныне безграничной державе и целому Мирозданию. Именно здесь когда-то впервые спустился на планету в своем «корабле из металла» апостол Хепри – будущий господин и король всего космоса. Именно здесь стоял Бургос – столица Единого государства и оплот веры церкви. Именно здесь раскинулся пылающий бунтом Боссон и рабские полки под горганные марши-песни вышагивали по утоптанному грунту континентальных дорог.

В отличие от вселенского Королевства, признаваемого Гором всего лишь очень большим государством, соответствующим по уровню развития классическому «позднему средневековью», Всеэшвен-ская апостольская церковь представляла собой более оригинальную организацию. Основой социальной культуры Эшвена (и всего Твердого Космоса соответственно) на протяжении более трех тысяч лет являлась догматическая религия, основанная на вере в Божество Света Ра и его последнего наиболее значимого пророка – Хепри.

При этом главными достоинствами Апостольской церкви признавались три вещи: наличие клонического оборудования, обеспечивавшего поддержку церкви со стороны шательенов; рабских ошейников, обеспечивавших подчинение сервов; а также работа машин нуль-синтеза, составлявшая фундамент планетарной экономики.

Главным же недостатком Апостольской церкви признавалось единственное обстоятельство – абсолютное отсутствие веры!

Настоящее преклонение перед Хепри на протяжении тысячелетий оставалось не более чем данью традиции. Читая молитву Двенадцатому пророку, шательен поклонялся прежде всего своему бессмертию, серв поклонялся своему хомуту, а любой другой человек – парче и золоту, которые он купил при посещении храма.

Настоящим Богом, светочем мудрости и дарителем благодати, Хепри никто не считал, во всяком случае – не относился к нему как к чему-то личному или близкому.

Кризис веры с течением времени стал настолько велик, что накрыл свои серым крылом даже высшие эшелоны церковной иерархии. Более того, кардиналы Бургосской курии, те самые «пастыри», что должны были пробуждать в людских душах пламя веры и благоговения, верили менее всех, ведь именно им приходилось общаться с Хепри при помощи банальных видеофонов, управлять машинами нуль-синтеза и аппаратами, штампующими рабов. А значит, то, что делает всякую церковь сильной, являлось главной слабостью местных Апостольских храмов.

Как бы там ни было, кардинал Амир, глава Бургосской курии и глава всей эшвенской церковной системы, старался над этим не задумываться и концентрировал свое внимание на вопросах более насущных. Вера, как он полагал, не влияла на работу технических аппаратов.

Разумеется, кардинал заблуждался...

В момент, когда на кочках Ташского поля Фехтовальщик вытаскивал меч из одного из противников, Его Высокопреосвященство вздрогнул и посмотрел на свой пояс. Там вибрировал пейджер – маленькое устройство для приема текстовых сообщений.

Внезапно побледнев, Амир бросил викария в комнате видеонаблюдения и быстро спустился вниз. Далее глава курии немедленно прошел в личный молельный зал, предназначенный для секретных переговоров. Несгораемый водонепроницаемый пейджер в стальной оболочке, который Его Высокопреосвященство носил, не снимая, даже в бане и в постелях гарема, вибрировал всего раз или два раза в год, вызывая священника на сеанс необычной связи. И ужасающий абонент, пославший Амиру короткое сообщение, уже с нетерпением ожидал...

Как и все помещения внутри храмов Хепри, личный молельный зал – святая святых всякой церковной твердыни, доступный только высшим иерархам курии, – имел потрясающие размеры. Тридцать метров в ширину и почти сотня в длину.

Впечатление бездонности зала усиливал уходящий ввысь потолок, сводчатый, с готическими по-луарками и устрашающими барельефами колоннад. Освещение также было подобрано оригинально, ибо подсвечивалась только центральная линия, протянувшаяся от входа к самому концу зала. Сводчатый потолок, края и углы помещения, напротив, оставались укутаны в тэни и тьму.

В глубине зала, там, куда указывала освещенная софитами полоска пола, висел, раскинувшись на всю стену, огромный плоский монитор, на который сейчас и пялился, воздев очи-горе, глава Бургосской курии.

С монитора на него глядело грозное лицо непосредственного начальства – экс-короля, экс-полководца, экс-апостола, а ныне Его Божественности Единого Господа Эшвенской церкви Хепри-Ра. Творца мира. Если бы Гор Фехтовальщик каким-то неизвестным образом оказался в данный момент в зале, он бы без особого труда назвал еще одно имя и, как минимум, должность амировского визави в «Нулевом Синтезе». Ибо лицо на мониторе, несомненно, принадлежало одному из известных ему акционеров Нуля.

– Ваша Божественность, приветствую! – подобострастно начал Амир. Его напыщенность и гордость, столь очевидные при общении с подчиненными, волшебным образом в одно мгновение улетучивались пред ликом обожествленного в Эшвене чиновника Корпорации. – Простите меня за задержку... Как я сообщал вам в электронном письме, вести из Боссона ужасны. Поэтому я просил вас перезвонить... Мощь обнаруженного нами медиума чудовищна! Восстанием охвачена огромная провинция, сервы сжигают шато и вешают шательенов... Позвольте, мой господин, применить ваше божественное оружие, и мы раздавим этот безбожный бунт! Спасения нет. Только на вас мы и уповаем...

Господь нахмурился. В принципе, он всего лишь чуть сдвинул брови, однако каждая бровь на огромном мониторе тянулась метров на десять. И общий эффект впечатлял – Амир, что-то невнятно промямлив, бухнулся на колени.

Господь улыбнулся. Да, именно на это и были рассчитаны размеры экрана-видеофона и всей «святая святых».

– Сильный медиум – это хорошо, – сказал он, и голос его прогремел под сводами храма раскатами грозного грома. – Но плоха твоя тупость!!! Бунт сервов не интересует меня, глупец, и божественной мощи ты от меня не получишь! Возможности Храмов итак огромны, подавить с твоими силами любое восстание – это даже не дело, а пустяк, не стоящий обсуждения! Прижми Бориноса, используй кардинальский спецназ, и покончите с этим! НЕМЕДЛЕННО!!! А медиума взять... Я коллекционирую качественных экстрасенсов, и появление человека, способного снять электронный хомут сразу с тысячи человек, – это удача, которая не имеет цены... Ты слышишь меня, червь?!

– О да, владыка!!! – заверещал Амир, чувствуя, что у него вот-вот лопнут перепонки. Если апостол еще раз так крикнет, Амир похоже уже ничего не будет слышать. Никогда. По крайней мере до смены очередного тела.

– Так внимай! Этот медиум нужен мне! Но сейчас я занят и все мои силы направлены на другое. И потому – плевать на восстание. Разбирайся с ним сам. **НО ДОБУДЬ МНЕ МЕДИУМА. ЖИВЫМ!**

Кардинал склонился в поклоне.

Глава 6

Ищите женщину

Забавная это вещь – человеческие взаимоотношения, подумал Гордиан. Особенно если речь идет не о дружбе мужской, а о любви между женщиной и мужчиной. Месяц назад в Бронвене, практически недалеко от этих мест, Гор решился на отчаянный побег, ворвался в отель к Хавьеру и готов был голову отдать за свою Лисию и единственный взгляд ее чудесных бирюзовых глаз... Боже, как давно это было, кажется очередной Хеб-сед отделил те роковые дни от сегодняшнего утра... Но вот заискрилось пламя восстания и девушка каким-то незримым образом выпала из списка его насущных жизненных интересов, сместившись с первого места в его пирамиде ценностей на... он уже и не знал на какое.

Всю эту длинную нескончаемую череду дней, до отказа забитых снятием рабских оков, военными тренировками и подготовкой к походу, он думал о разном, но думы эти были далеки от женщины, свобода и жизнь которой по сути дали толчок всей этой кровавой войне.

Гор часто расспрашивал Никия о судьбе краса-вицы, но тот лишь отвечал, что события того далекого дня – последнего дня Боссонских авеналий – неслись какой-то бешеной каруселью, и судьба девушки, подхваченная этим водоворотом, осталась в его памяти лишь одним из многочисленных цветных мазков, слившихся в картину поспешного бегства лавзейцев и их возвращения домой.

После того как стало известно об убийствах, совершенных в отеле лорда Хавьера, Бранда с Трэйтом схватили. В тот день Никию чудом удалось избежать на несколько часов внимания городских габеларов. Он и Лисия, собрав вещи и деньги, данные тогда Фехтовальщиком, прошли через черный ход и смогли добраться до речного порта. Там, представившись сервом, проводившим в дальнюю дорогу свою небогатую госпожу из дочерей посадских мас-теровых, ему удалось посадить Лисию на корабль, отплывавший в Бургос.

Они практически не разговаривали с Лисией о ее планах, да и о каких планах могла идти речь – она была в шоке просто от того, что осталась в живых. Все мысли сконцентрировались на насущных вопросах – что взять с собой, как поскорее выбраться из города, что врать корабельщикам и портовым габеларам, поэтому для обсуждения общих тем времени не оставалось. А потом они расстались, поскольку Никию итак грозила порка за сокрытие подготовки побега товарища и долгое отсутствие в отеле.

Никий проводил ее взглядом, глядя на удаляющийся паром. Она стояла на палубе, в плотной толпе других отъезжающих, одетая в скромную серую шаль, скрывая наполовину свое лицо, которое могли узнать стоящие в толпе люди. Лица профессиональных наложниц знают хуже, чем тело, но все равно в человеческой массе мог отыскаться знакомый клиент или просто серв, видевший ее в Лавзее или на многочисленных прошлых авеналиях.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.